

Евгения Коньшина

ПАРТНЕРЫ!

6+

Евгения Геннадьевна Коньшина

Партнеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55319896

SelfPub; 2020

Аннотация

Самой заветной мечтой Джона было научиться ездить верхом. В детстве он посмотрелся детективного сериала про полицейского и его коня и решил, что мчаться во весь опор на мощном животном, притом выстроив с ним самые близкие и доверительные отношения, – это очень круто и совсем не сложно. Но что же думает об этом его строгий инструктор Луи, который одновременно является самым настоящим говорящим конем?

Содержание

Было чудесное июльское утро. Только что кончился небольшой летний дождик, и посвежевшая трава ярко блестела на солнце. Дождевые капельки, срываясь с березовых и осиновых листьев, весело разлетались на искрящиеся осколки солнечных лучиков.

Джон открыл глаза и понял, что этот день настал. Счастливо улыбнувшись, он дал себе немного времени повалиться в кровати и осознать, что вот прямо сегодня, буквально через пару часов его давняя мечта уже станет осуществившимся фактом. На той неделе его жена Надин настояла-таки на том, чтобы он, наконец, прекратил откладывать и предпринял серьезные шаги на пути к воплощению своего заветного желания. «Джонни, милый, – сказала она тогда, – ну сколько можно жить одним ожиданием, ты давно мог бы это сделать, чем вздыхать почему зря. Не понимаю, чего ты медлишь. Сейчас ты ждешь, пока подрастет Салли (так звали их маленькую дочурку), потом будешь ждать, пока мы выплатим кредит, потом – повышения на работе или взросления второго ребенка... Ты пойми, это все – отговорки, ты сам за чем-то ставишь себе совершенно ненужные ограничения... Ведь это не так дорого. Знаешь, – посмотрела она ему в глаза, – печальней всего будет, если к тому времени, как наступит старость и начнутся болезни, ты осознаешь, что так и не осуществил мечту всей жизни...» – И крепко обняла мужа.

Обо всем этом он вспомнил сейчас, как и о том, что, как только он в ответ на те ее слова смущенно кивнул, она сразу

же заставила его взять в руки телефон и записаться на конкретный день. За это он теперь был ей невообразимо благодарен.

Умывшись и одевшись, Джон в самом великолепном расположении духа зашел на кухню. За раскрытым окном легкий ветерок чуть пошевелил сырую еще листву, сквозь которую били косые солнечные лучи. День обещал быть просто восхитительным.

Джон нежно поцеловал любимую жену, потрепал по голове малышку и сел завтракать. Глядя на него, Надин с улыбкой сказала:

– Если все получится, ты дашь Салли лишний повод гордиться тобой.

При звуках ее имени девочка, держа в ручке ложку с кашей, с любопытством взглянула на папу.

– Получится... Думаю. – Джон немного помолчал. – Надеюсь...

– Надо не только надеяться, но и верить. – Надин подала ему горячий кофе. – Выкинь из головы сомнения!

Уже собравшись полностью, на пороге Джон повернулся к жене и выдохнул:

– Ну, я готов!..

– Вперед, – бойко хлопнула его по плечу Надин. – На встречу мечте!

– А ты и Салли... – начал было Джон, но Надин перебила его:

– не беспокойся, мы скучать не будем. И никаких отговорок, – пресекла она вновь его попытку что-то сказать. – Ты уже решил! – На что Джону пришлось со стуком захлопнуть рот. – Успехов, покори их там всех!
– Постараюсь. Пока, люблю тебя!

На конюшне было тихо. В воздухе видневшаяся на свету пыль колыхалась миллиардами крохотных частичек. Безмолвие нарушали доносившиеся с улицы крики дворника на собак. Вдруг лениво дремавшие до сего момента лошади пробудились и с шумными вздохами стали заинтересованно просовывать широкие бархатные носы через прутья решеток своих денников¹: теплый запах сена вместе со скрипом колес тачки делался все отчетливее, возвещая о приближении конюха. Войдя в коридор, он, по дороге роняя сухие травинки, прогрохотал по закатанному асфальтом полу вдоль денников до самого дальнего, чтобы оттуда начать кормежку.

Луи Бенедикт III неторопливо вытащил из-под тяжелого тела одну за другой свои передние ноги. Потянувшись и сладко зевнув, он поочередно оперся на них и резко, как и свойственно лошади, встал. После этого он встряхнулся, обмахнул хвостом темно-гнедые² бока от приставших опи-

¹ Денник – отдельное закрытое стойло для лошади на конюшне. В деннике лошадь содержится без привязи и может как стоять, так и лежать.

² Гнедая – название лошадиной масти (окраса): коричневый корпус, черные

лок, втянул ноздрями пропитавшийся запахом лугового сена воздух и удовлетворенно фыркнул. Когда дверь открылась и бледно-зеленая охапка упала с вил у его копыт, конюх Сэм весело заметил:

– Славная нынче погодка выдалась, а, Луи?

– Да, Сэм, определенно сегодня хороший денек, – ответил ему Луи Бенедикт. Да-да, это был говорящий конь, и хотя внешне он ничем не отличался от обычных бессловесных лошадей, он, как и его отец Луи Бенедикт II и дед Луи Бенедикт I, обладал способностью общаться с двуногими царями природы на их языке, имея при этом ничуть не меньший интеллект и продолжительность жизни. Данная особенность явилась неожиданным и сенсационным результатом опытов по генной инженерии, круто повлиявшим на жизнь человечества. Случилось это много лет назад, так что к моменту появления на свет Луи Бенедикта III рождение подобных ему существ уже давно стало привычным делом.

Как и всякое уважающее себя говорящее животное или птица, Луи официально работал на людей, получая зарплату в виде возможности заказывать себе различные товары и услуги. По примеру своих предков он избрал профессию инструктора по верховой езде. На конюшне помимо него была примерно половина говорящих лошадей; все остальные животные: кошки, собаки, мыши и куры из подсобного хозяйства – были преимущественно обычными, «немыми». На

ноги, грива и хвост. Темно-гнедая – корпус темно-коричневого окраса.

них Луи не обращал особенного внимания, но вот бессловесные «сородичи» могли порою доставить ему некоторые неудобства. С умственным развитием не выше уровня трехлетнего ребенка, они копали пол, некстати храпели и громко ржали, мешая ему спать или отвлекая от серьезных размышлений. При возможности – например, по недогляду конюха оказавшись в коридоре слишком близко к его двери или заметив его проходящим мимо левады³, где они гуляли, некоторые из них лезли пообщаться – держали уши торчком, раздували ноздри и призывно гукали, донимая его чисто конскими пустяками вроде: «О, а какой у тебя запах??» или «Привет, я тебя вижу, давай поиграем!» С одной стороны, слишком сердиться на них Луи не видел смысла, с другой же не мог дожидаться, когда двуногие умники наверху примут закон о создании отдельных конюшен для говорящих лошадей...

По коридору на фоне всеобщего аппетитного хрумканья слышались бодрые шаги и командный голос бригадира. Филипп осматривал свои владения и раздавал указания конюху и лошадям из говорящих, как кого кормить и кому когда работать.

– Так, Оливер, сегодня повезешь мистера Томпсона до городской поликлиники. Сэм, Джудит что-то овес не проела⁴,

³ Левада – огороженное место для выгула лошадей.

⁴ Не проела – профессиональное выражение конюхов, означающее: «не доела свою порцию».

не давай ей сегодня. Нилу два гарца⁵ сыпани, он вчера работал. И подмети, здесь все в сене! Луи, Дик, сегодня учим новичков, вас забронировали.

– Не-ет, Фил, только не это! – разочарованно протянул Луи. – Опять?!

– Что поделать, старина, – усмехнулся бригадир, – ты у них в цене! Даже Фрэнк – и того реже берут, хотя он, в отличие от тебя, просто обожает учить с нуля.

– Да я всегда говорил, что Фрэнк мазохист, – недовольно пробурчал жеребец, подумав о том, что находящийся сейчас в командировке на выездных соревнованиях рыжий арабский скакун Фрэнк лишь улыбнулся бы в ответ. – Чертовы недотепы. Из-за их кривых задниц у меня вся холка сбита.

– Ну не ворчи, Луи, – вмешался взявший в руки метлу Сэм. – Это же твой овес, ты забыл? Сам же говорил: подзаработаешь – рванешь куда-нибудь на заказном коневозе⁶!

– Да когда это будет – с такими-то ценами... – безнадежно вздохнул конь. – Хорошо, хоть на аренду денника пока хватает.

Нельзя было сказать, что он встал не с того копыта, на строение его сперва не было дурным – оно было никаким. И только дальнейшие события могли поколебать его в ту или иную сторону от равновесия: к примеру, новость про оче-

⁵ Гарец (гарнец) – мера количества овса на конюшне, составляющая примерно 1,5 л.

⁶ Коневоз – специальный грузовик для транспортировки лошадей.

редного новичка примешала теперь к нему изрядную долю досады.

Бригадир закончил обход и ушел в каптерку, а спустя непродолжительное время раздались быстрые шаги и веселый звонкий голос помогавшей на конюшне девочки-любительницы. Маленькая Александра, как и многие девчонки ее возраста, была без ума от лошадей и считала за счастье бывать здесь, выполняя любую работу по уходу за ними абсолютно бесплатно и стараясь при этом изо всех сил. Любимцем ее был Луи Бенедикт, которого она ласково звала Беней, что дозволялось ей одной: остальные, обращаясь к коню, могли говорить только Луи или мистер Бенедикт. Луи очень любил ее; впрочем, он вообще довольно лояльно относился к детям, если только они не были избалованы.

– Привет, Бенья! – поздоровалась девочка, подбежав к его деннику.

– Здравствуй, Алекс, – кинул в ответ Луи. – Ну, какие новости?

– Мне велели тебя почистить, – радостно сообщила Алекс и, отперев дверь, зашла к нему. В руках она держала жесткую щетку и металлическую скребницу, а также расческу для гривы и хвоста. – Ты сегодня собираешься работать?

– Да, свалился тут на мою голову очередной неумеха... – вздохнул конь. – Слушай, прежде чем ты начнешь, могу я попросить: будь добра, поаккуратней с холкой, у меня там болячка небольшая от седла набита, неприятно.

– Хорошо, – кивнула девочка и ловким привычным движением принялась чистить его скребнице, старательно обходя вышеозначенное место и время от времени отбивая инструмент о собственную подошву. Она прошла так по всему телу жеребца, кроме самых чувствительных мест – головы и ног ниже запястий⁷. Потом она щеткой стала смахивать с него вычищенную пыль, на сей раз не пропуская ни одного участка. В самом конце пришла очередь заняться головой, чему Луи, не любивший эту часть процедуры, обычно сперва несколько сопротивлялся.

– Бенья, морду давай, – настойчиво потребовала Алекс, пытаясь справиться с задирающим нос кверху конем. Такое фамильярное обращение подняло в Луи волну негодования.

– И что за привычка называть то, что у нас на голове, мордами! – возмущенно фыркнул жеребец. – Мы, к вашему сведению, тоже желаем сохранить лицо!

Воспользовавшись его болтовней, Алекс ухватила его за храп⁸ и несколько раз торопливо, пока он застыл, терпеливо прикрыв глаза, провела щеткой по его голове.

– Вот если бы к нам относились с должным уважением, мы бы тоже не ударили в грязь лицом! – с легкой обидой в голосе продолжал конь сыпать поговорками.

⁷ Запястье – сустав передней ноги лошади, который иногда по ошибке именуют коленом.

⁸ Храп – нижняя и средняя часть переносья у лошадей с расположенными на ней ноздрями и ртом.

– Ну, Бенья, успокойся, – ласково потрепала она его по гриве и полезла к себе в карман. – Будет тебе ворчать! – Алекс извлекла на свет ароматную рыжую морковку, которую обрадованный Луи тут же благодарно схрумкал.

– М-м... Мерси, – жуя, с удовольствием промычал он, и девочка, погладив его по широкой шее, отправилась чистить других лошадей.

«Хорошая девчуля, – подумал конь. – Трудолюбива и проста в общении. Достойное поколение подрастает!»

Общение с Алекс немного подняло ему настроение, но оно все еще было смурным из-за осознания того, что в скором времени неизбежно придется тратить моральные силы на «чайника». Обреченно вздохнув, он в угрюмом ожидании приступил к селу.

Всю дорогу до конюшни, слушая по радио в автобусе приятную музыку, Джон в счастливом предвкушении представлял себе свою первую встречу со своим будущим инструктором – настоящим говорящим конем. Научиться верховой езде именно у говорящей лошади и было той самой его заветной мечтой, на исполнении которой настояла Надин.

«Вот приму участие в «Осеннем Турнире» – надо будет ей шикарную коробку конфет купить, а лучше – платье», – с улыбкой подумал Джон. Идею про соревнования ему подсказал Чарли – университетский приятель, ныне успешный биз-

нес-коуч⁹: «Важно определить для себя критерий исполнения твоей мечты, нужна конкретика. К примеру, явным признаком овладения каким-либо навыком будет являться выполнение некоего выпускного задания. Школьную систему экзаменов не дураки выдумывали. Сформулируй себе свое задание как можно точнее: допустим, к такому-то числу такого-то месяца уметь столько-то раз... Ну, чего там у тебя. Главное – все должно поддаваться точному измерению, для наилучшего контроля. И, как только в назначенный день ты выполнишь запланированное, – все, считай, мечта твоя осуществилась, она отпустит тебя!»

Размышляя над его словами, Джон подумал, что цель «десять раз покататься на говорящей лошадке» звучит, пожалуй, смешно, и решил сделать для себя критерием участие в ежегодных городских соревнованиях по конкуру¹⁰, проводимых в сентябре. Причем его вовсе не интересовал шанс одержать на них победу – для него был важен сам факт участия, ведь полных неумех туда наверняка не допустят. Возможность же взять хотя бы утешающий приз будет, скорей, приятным бонусом.

«Каким-то окажется мой тренер... Может, могучим тяжеловозом. А может, элегантным арабом!» – Джон мечтательно

⁹ Коуч – тренер-психолог, помогающий клиенту достичь определенных личных или профессиональных целей.

¹⁰ Конкур – вид конного спорта, прыжки через различные препятствия при движении по определенному маршруту на время.

прикрыл глаза. Слова «тяжеловоз» и «араб», наряду с «галопом», «уздечкой» и некоторыми другими общеизвестными терминами, составляли то небольшое, что он вообще знал о лошадях. Желание же учиться непременно у говорящего коня было продиктовано виденным когда-то в отрочестве первым сериалом, в котором снимались разумные животные. В этом приключенческом боевичке с элементами детектива главные герои – полицейский Стивен Смит и его напарник – вороной¹¹ говорящий конь по имени Уолтер – стали настоящими партнерами, достигнув такого уровня взаимопонимания, что вдвоем ловко одолевали целые банды опасных преступников, действуя, как единый слаженный организм, буквально читая мысли друг друга! Конечно, это было всего лишь старенькое зрелищное кино, постановка, но...

«Да, он определенно будет вороным, мой инструктор. И звать его будут Уолтер. Эх, жаль, что я не Стив», – и Джон улыбнулся своим по-детски наивным мечтаньям. Кстати, вспомнил он, забавно: в сериале Уолтер в начале ведь тоже обучал верховой езде Стива, который перевелся в конный отряд полиции из дорожного патруля!

Добравшись, наконец, до места, Джон с замиранием сердца шел мимо левад, конюшен и сараев. Воздух был наполнен характерными запахами. Чирикали горячо спорившие воробьи, в небольших загонах, сосредоточенно квохча, рылись в земле белые куры. Гулявшие в левадах лошади провожали

¹¹ Вороная – полностью черная лошадиная масть.

нового человека заинтересованными взглядами. Подбежавшие собаки, которых Джон сперва испугался, обнюхали его, дружелюбно помахивая хвостами, и быстро отстали, поняв, что с этого двуногого ничего вкусенького не поимеешь.

Где-то в стороне послышался разговор. Повернув голову, Джон увидел поодаль стоявших рядом двух людей – наверное, конюхов, – и коня какой-то красивой светлой масти, названия которой он не знал. Звучало только два голоса, лиц и морды он не видел, но был почти на сто процентов уверен, что одним из беседовавших являлся именно конь.

Из очередной конюшни ему навстречу вышел одетый в джинсовый рабочий комбинезон невысокий коренастый человек с седеющей кудрявой бородой. Это был бригадир Филипп. Поприветствовав гостя и представившись, он повел Джона на конюшню. У самого входа он остановился и задал несколько вопросов:

– Вы, кажется, говорили по телефону, что первый раз в седло садитесь? До этого не ездили?

– Нет, – помотал Джон головой, – если и было что в детстве – не помню...

– А страха перед лошадьми нет?

– Не знаю, если честно. Вроде, когда вижу просто гуляющих, не боюсь.

– Вы просили именно говорящую лошадь, верно?

– Да, они мне кажутся, э-э... – Джон постарался придумать более-менее адекватное объяснение своему выбору. –

Поумней, что ли...

– Что правда, то правда! – с усмешкой согласился Филипп. – Они действительно не в пример умней, они – как мы с вами. Но вы же в курсе, что занятие на говорящей лошади вдвое дороже?

– Да, конечно, меня это несколько не смущает.

– Что ж, тогда... – Фил задумчиво почесал бороду. – На сколько я помню, мы бронировали для вас одного жеребца. Говорящих кобыл у нас нет, они часто бывают истеричными.

– А могу я увидеть его перед занятием? – попросил Джон.

– Уф-ф... – Бригадир отчего-то не слишком горел желанием устраивать «предварительные смотрины». Однако желание клиента – закон, и он все же сдался:

– Ну хорошо. Следуйте за мной, сейчас я вас с ним познакомлю. Вы хотите разовое занятие или планируете пройти курс обучения?

– Курс обучения, – ответил Джон, вместе с бригадиром переступив порог затемненного помещения конюшни. Минувя широкий холл с развешенной по стенам амуницией¹², они прошли по коридору между денников (Джон беспрестанно вертел головой, пытаясь угадать, который из них принадлежит его коню) и остановились напротив одной двери. Табличка над ней, долженствовавшая сообщать имя «квартиранта», от времени стерлась, но Филипп тут же развеял всю неясность.

¹² Амуниция – снаряжение для седлания лошади: уздечки, седла и т.д.

– Рад представить, – торжественно произнес он, открывая денник, – говорящий жеребец тракененской¹³ породы Луи Бенедикт III!

«Ух ты, имя-то какое – прямо как у герцога!» – И восхищенному заранее взгляду Джона открылся широкий темно-коричневый круп¹⁴ с черным хвостом...

...Услышав за дверью приблизившиеся голоса и звук отпираемого засова, Луи мрачно подумал: «Ну вот, началось...» В этот момент он вдруг заметил несколько травинок сена в дальнем углу и тут же решил, что ему просто жизненно необходимо, повернувшись туда, подобрать все эти травинки! Причем дело это – весьма непростое, требующее максимальной вовлеченности в процесс! Так что теперь все, что творилось сзади, не имело к нему никакого отношения. Ну, или почти никакого...

Он прекрасно знал, что отсрочка получится недолгой: пару тягучих секунд спустя прозвучал голос Филиппа: «Луи, дружище, повернись-ка, я привел к тебе гостя!» – и, дабы не быть справедливо обвиненным в невежливости и неуважении к пришедшим, ему все же пришлось со вздохом повернуться.

«Фил, я же сотню раз просил тебя не водить ко мне в денник клиентов. Это моя территория, могу я хоть на ней

¹³ Тракененская порода – верхово-упряжная спортивная порода лошадей, выведенная в Германии.

¹⁴ Круп – задняя часть лошади.

от них отдохнуть!» – бросил он красноречивый взгляд на бригадира, который, чуть пожав плечами, тут же ответил извиняющимся своим: «Прости, старина, но он захотел тебя увидеть...» Поняв бессмысленность дальнейших претензий, Луи молча перевел взор на незнакомца. Обыкновенный новичок, как и все: тот же придурковатый вид полного «чайника», те же вылупленные в любопытстве и восхищении глазенки, та же блуждающая на лице глупая полуулыбка. Ничего в этой жизни не меняется...

...Жеребец, несколько натужно, как показалось Джону, вздохнув, неторопливо выполнил просьбу бригадира и обратил хмурый взор на пришедших людей. «М-да, что-то он не сильно похож на Уолтера», – подумал Джон, глядя на его крупную морду с широкой белой проточиной¹⁵ и крепкое тело. Инструктор был полной противоположностью стройного тонконового красавца из фильма (являвшегося, как позже с удивлением узнал Джон, представителем знаменитой английской чистокровной верховой породы)!

– Луи, это Джон, я тебе про него говорил, он хочет, чтобы ты обучал его верховой езде, – сообщил между тем бригадир коню.

«Сейчас что-нибудь скажет», – понадеялся Джон, но выражение скошенного на него глаза ясно сообщило: «Я не намерен болтать без дела тебе на потеху». И, хотя обычная лошадь при всем желании никак не сумела бы одарить его столь

¹⁵ Проточина – отметина на морде лошади в виде белого пятна вдоль переносья.

выразительным, почти что человеческим взглядом, Джон все же на всякий случай уточнил:

– А он же... Говорящий, да?

– Да-да, разумеется, – поспешил заверить Фил, внутренне краснея за вредничающего жеребца. – Не беспокойтесь, он обязательно разговорится, как только вы останетесь вдвоем. Луи – наш самый опытный специалист, он воспитал немало отличных всадников, многие из которых уже завоевали призовые места в серьезных соревнованиях! – расписал он достижения коня. Луи же тем временем продолжал критично осматривать гостя.

– Сейчас я вам его подседлаю, – услужливо сказал бригадир и, не закрыв дверь денника, пошел за амуницией. Джон едва не спросил: «А не убежит?» – но вовремя осекся, вспомнив, что перед ним не простая немая лошадь, но вполне сознательный говорящий конь, самостоятельно зарабатывающий себе на корм. «Вот по его поведению сейчас и проверим, не надули ли меня», – подумал Джон. Очевидно, именно эту цель и преследовал опытный Фил: доказать клиенту, что ему не подсунули обычного немого коня, взяв при этом двойную плату.

– Луи, становись на развязку¹⁶! – крикнул он с того конца коридора, надеясь, что конь все же хоть что-нибудь ему

¹⁶ Развязка – парные веревки по бокам, фиксирующие голову стоящей лошади и не дающие ей пятиться и двигаться вбок или вперед во время седлания, ветеринарных процедур или ковки.

ответит, типа: «Ладно» или «Хорошо»... Но упрямый жеребец еще прежде его команды молча сделал все, что нужно: одарив неумеху взглядом, от которого тот пулей убрался с прохода, Луи чинно, с достоинством вышел из денника и, пройдя, встал аккуратно между двух торчащих из стены толстых металлических колец с висящими веревками, привязывать коими его, конечно, никто не собирался. Джон, двигаясь боком вдоль стены и спиной собирая всю накопившуюся на ней грязь, осторожно пробрался следом. Встав слева от морды Луи, он в ожидании бригадира стал с интересом рассматривать своего тренера. Взгляда не хватало, его приходилось переводить вдоль всего большого тела коня – от вытянутой головы с умными карими глазами и чуткими подвижными ушами по частично скрытой под черной гривой длинной грациозной шее и внушительному корпусу с немного вогнутой спиной до мощного округлого зада и обратно.

Вскоре бригадир Филипп вернулся со всем необходимым. Джон заворожено следил за совершенно незнакомым ему процессом седлания, благо, Филипп свои действия подробно комментировал. Сперва он положил на спину Луи небольшое стеганное покрывало ярко-рыжего цвета, назвав ее «вальтрапом». «Это для того, чтоб впитывать пот Луи и обеспечивать ему мягкость и комфорт при носке седла», – пояснил Фил. Далее – само седло... Фил ради интереса дал клиенту подержать его в руках, и оценивший вес этой штуки Джон подивился мощи рук бригадира, со своим отнюдь

не самым большим ростом легко закинувшего ее сверху на жеребца.

Ноги Луи были старательно замотаны эластичными оранжевыми бинтами, в тон вальтрапу. Для сравнения Фил привел в пример бинты на запястьях и коленях у спортсменов-людей: они призваны предохранять связки от растяжений. В ответ на опасение Джона никогда не запомнить все эти замысловатые термины и действия Фил добродушно улыбнулся: «Это не так тяжело, как кажется, со временем ты без проблем освоишь данную науку».

Последним бригадир надел на голову Луи простой нейлоновый намордник – «недоуздок» с пристегнутыми к нему длинными поводьями («уздечка без удили – недо-уздечка», – пояснил Филипп). Понятное дело, что говорящим лошадям совершенно ни к чему обычные уздечки с удилами, когда можно и так спокойно, по-человечески договориться о том, куда и как быстро двигаться. К тому же, ряд освоенных разумными лошадьми профессий подразумевает свободное общение. Тот же Луи вряд ли мог бы что-либо объяснить ученикам с железом во рту!

В течение всего процесса, даже тогда, когда Фил с недюжинным усилием затягивал «подпругу» – широкий ремень между животом и грудью коня, крепящий седло, Луи сохранял мужественное, как показалось Джону, молчание. Джон невольно провел параллель с тем, как он сам каждое утро перед работой подолгу мучается с галстуком. Легкое его разо-

чарование от непохожести Луи на Уолтера давным-давно растворилось без следа: он с каждой минутой все сильнее уважал и восторгался статным жеребцом, мало думая о том, что чувства эти были, мягко говоря, не совсем взаимны.

Терпеливо дождавшись завершения нудной процедуры седлания и молча кивнув на вопрос Фила, удобно ли ему, конь привычно выслушал последние наставления бригадира новичку: «Слушаться во всем Луи, не конфликтовать и не спорить, повод излишне не дергать, ногами сильно не лупить». Если неумеха вдруг вздумает дурить, можно будет легко ссадить его, апеллируя к этим начальным предупреждениям. Наконец, Фил пожелал им обоим попутного ветра, и, не давая себе труда оглянуться на клиента, Луи целенаправленно двинулся к выходу из конюшни. Замешкавшийся Джон поспешил за ним.

На улице Филипп милостиво избавил Луи от необходимости объяснять новичку, как садиться в седло. Подробно рассказав, бригадир подтолкнул его сзади. Если бы он этого не сделал, коню пришлось бы полчаса терпеть неловкие подпрыгивания неумехи и испытывать раздражающее ощущение постепенно сползающего на бок седла, за обе луки¹⁷ которого тот бы непременно хватался, хоть и сказано было братья за одну заднюю и за гриву! А потом, как результат, – седлание заново... Но умудренный опытом Филипп, предви-

¹⁷ Луки – выступы на седле спереди и сзади, называемые передняя и задняя соответственно.

дя такое развитие событий, устранил проблему до ее возникновения. Хлопнув жеребца по крупу (довольно фамильярное обращение, которое Луи изредка прощал ему), бригадир со спокойной совестью отправил этих двоих в «вольное плавание».

«Хорошо же Филу, он уже свое отгарабанил: клиента привел и свободен, а мне с этим недотепой теперь десять сеансов мучиться...» – угрюмо думал конь, с размеренным цокотом ступая по асфальтовой дорожке, ведущей на плац¹⁸. Сидя на нем верхом, держа в руках поводья так, как их между пальцев вложил бригадир, и не смея перебрать по-другому, чувствуя под собой движение огромного живого существа, икрами ног ощущая тепло его крутых боков и глядя на мир вокруг с точки гораздо выше, чем привык, Джон с невообразимым восторгом думал: «Ну все, вот я и верхом. Верхом на настоящей горящей лошади! Видела бы меня сейчас Надин!..»

Но уже почти дошли до калитки, а обоими еще не было произнесено ни слова. И тут Луи Бенедикт III сказал самую свою первую с момента разговора с Алекс фразу:

– Как зовут?

– Чего?.. – Джон не сразу понял, кому принадлежит этот голос откуда-то спереди и снизу.

– Звать как? – повторил Луи довольно строгим бесцере-

¹⁸ Плац – огороженное прямоугольное пространство с песочным покрытием для занятий верхом.

МОННЫМ ТОНОМ.

– Дж... Джон, – сам не зная почему заикнувшись, робко ответил Джон.

– Значит так, Джон. Ездить до этого ты ни разу в жизни не пробовал. Можешь не обманывать меня, я чувствую, как ты сидишь, – с этими словами ворчливый конь прошел через калитку и, ступив на мягкий песок, начал движение по краю плаца вдоль ограды.

– Да я и не собирался... – растерянно пробормотал Джон, гадая, как бы понравиться такому строгому инструктору. – Послушайте, Луи...

– Для тебя – мистер Бенедикт, – отрезал жеребец. – Это – во-первых. Во вторых, не вздумай перебивать меня, ясно? Я еще не закончил.

– Извините, мистер Бенедикт... – И Джон решил, что лучший способ поладить с ним – во всем беспрекословно слушаться его.

– Ты криво сидишь, – продолжил меж тем Луи. – Задница деревянная, спина колесом, ноги черт знает где... Сядь глубже. Глубже, тебе говорят! – Он остановился. – Сядь так глубоко в седло, как только сможешь. Прижми колени к седлу, пятки опусти вниз, спину выпрями. Поводья подбери – возьми покороче, – твердил он из раза в раз повторяемые на первых занятиях непреложные истины. Конечно, каждый человек, как и говорящий конь, является уникальной личностью, к которой нужен отдельный подход, бла-бла... Но

на самой начальной стадии обучения они все примерно одинаковы – безликие, бестолковые неумехи, полные «нули». Лишь со временем, в процессе долгой кропотливой «лепки» из новичка более-менее грамотного всадника и начинаешь выделять его среди прочих, видеть его характер и раскрывающиеся способности. Вот эту часть своей работы Луи просто обожал. Впрочем, до нее, к сожалению, не всегда доходило: часто обучаемые бросали занятия на полпути, ссылаясь на нехватку денег, отсутствие времени или иные обстоятельства, что очень больно ранило коня, вложившего уже немалую часть души в неудавшегося чемпиона. Однако самые упорные и несгибаемые продолжали тренироваться и в конце концов неизменно добивались блестящих результатов. Больше всего в своей профессии Луи ценил тот счастливый момент, когда благодарный ученик уже становился другом... Сейчас же это просто очередной пришедший за свои бумажки покатать пятую точку клиент, каких великое множество повидал он на своем веку. Однако, как бы ни хотелось вернуться обратно в тихий денник, работу надо выполнять качественно и добросовестно, а посему, оставив все посторонние размышления, Луи сосредоточился на обучении новичка.

– Руки к небу не тяни, ты не дирижер. И мыски не опускай, застрянешь в стремях, – приказывал он Джону. Пройдя еще четверть круга, он снова встал и пригрозил: – С места не сдвинусь, пока не сядешь нормально!

Наконец, все его многочисленные требования с грехом пополам были выполнены, и движение возобновилось. Спустя полкруга Джон поинтересовался:

– А когда мы начнем скакать галопом?

– Ты шагать сначала научись, – проворчал Луи. – До галопу надо еще рысь¹⁹ освоить, а это тоже будет не быстро, судя по твоим навыкам... Корпус расслабь!

Так и прошло все занятие – в понуканиях и замечаниях. Под конец Джон стал чувствовать, как сильно он устал, то же заметил Луи и объявил на сегодня завершение. Слезая под руководством коня с седла, Джон с надеждой в голосе спросил:

– Мистер Бенедикт, как вы считаете, могу я продолжить обучение?

– А ты сам этого хочешь? – покосился на него Луи.

– Да, – смущенно проговорил Джон. – Очень-очень...

– Гм, – ответил конь. – Ну, тогда помехи нет. Не пойму, к чему вопрос.

– Я имею ввиду... – Новичок замялся. – Мало ли, скажете, что я совсем ни на что не годен...

– Не годен тот, кто ничего не хочет, – твердо сказал Луи. – А ты, видимо, хочешь... Во всяком случае, дальнейшие занятия либо подтвердят это, либо опровергнут. Если сам не

¹⁹ Рысь – один из аллюров, то есть, способов движения лошади – бег, при котором одновременно на землю опускаются две ноги по диагонали – например, передняя левая и задняя правая.

передумаешь, – что ж, занимайся, сколько влезет, а я за твой счет тогда телевизор себе в денник приобрету. – С такими планами Луи зашагал к конюшне. То, что новичка не отпугнул строгий тон и отсутствие на первом занятии даже легкой рыси, было хорошим знаком. Впрочем, говорить пока о чем-либо слишком рано: сколько таких неумех с горящим взглядом впоследствии уходило безвозвратно...

Вечером за ужином счастливый Джон с восторгом делился с Надин и дочкой впечатлениями от первого урока верховой езды. Луи он описывал с большим уважением.

– Инструктор у меня, мистер Бенедикт – у-ух, знаешь, какой строгий! Но – это даже очень хорошо, с ним я скоро научусь ездить!

– А какой он внешне – похож на того коня из боевика? – с любопытством спросила женушка, зная про любимый фильм детства любимого супруга.

– Не-е, – помотав головой, протянул Джон, – совсем не похож. Я думаю, он даже лучше! Живой, говорящий конь, мы с ним будем одна команда! – мечтательно сказал он и отправил в рот очередной кусочек бифштекса.

Позднее, лежа в кровати, перед тем, как заснуть, Джон тихо прошептал Надин: «Спасибо тебе, любимая!» Вместо слов она с улыбкой придвинулась ближе...

В конюшне еще горел свет, хотя добрая половина ее обитателей уже смотрела третий по счету сон. Фил почти неслышно совершал вечерний обход, после чего собирался сдать пост ночным сторожам и уйти домой. Остановившись у денника Луи, он шепотом позвал через решетку отдыхающего стоя коня:

– Эй, пс-с... Луи!..

Тот, видимо, ждал его, потому что практически мгновенно отреагировал, негромко фыркнув в ответ.

– Ну, как сегодня, ничего? Ты хоть слово-то ему сказал? – тихо поинтересовался бригадир.

– Да сказал, сказал, еще б не сказать... – вздохнул жеребец. – Слушай, Фил, – произнес он то, что целый день пришлось наружу, – ты бы перестал водить ко мне всякий, э-э... Всяких неумех, – он подумал, что слово «сброд» прозвучит слишком оскорбительно для тех, кто несет в конюшню деньги. Нельзя так с клиентами, даже за спиной. – Seriously, Фил, ты же столько раз обещал, а сам водишь... Я ведь не обязан их тут терпеть.

– Пардон, пардон, дружище, виноват, я ж не спорю. На, вот, может, это позволит тебе сменить гнев на милость? – И Филипп достал из кармана пачку восхитительной свежей соломки с солью – любимого лакомства Луи. Шумно вдохнув воздух носом, конь пряднул ушами и с удовольствием произнес, принимая подарок через приоткрытую дверь денника:

– Гм-м, что ж, сатисфакция принята. Фил, – спросил он, с аппетитом жуя угощение, – а этот новенький за сколько занятий заплатил?

– Абонемент взял на десятку, – сообщил бригадир.

– Десять занятий... – задумчиво пробормотал конь.

– И это, судя по всему, только начало. Отступить он, как видно, не собирается. Ладно, пойду я, пока ты вновь меня своим скептицизмом не заразил. Спокойной ночи, – пожелал Филипп и закрыл дверь.

– До завтра, Фил. – Сладко зевнув, Луи опустил голову. Перед тем, как задремать, он подумал: «Знает он все, как же... Оптимист неизлечимый. Сколько, Фил, прошло через нас таких, и ты все веришь. А, впрочем, было много и достойных... Да какая нам разница, наше дело – учить их, сколько бы их и с каким настроением ни приходило...» И он провалился в полусон с овсом, собаками, Алекс и новичком попеременно.

Поскольку Филипп и Джон условились, что занятия будут проходить дважды в неделю – по средам и воскресеньям, то следующий урок должен был состояться через три дня. На другое утро после первого знакомства с Луи Джон, проснувшись, ощутил боль в мышцах от непривычных нагрузок. Он с беспокойством подумал, сможет ли ездить в воскресенье. И действительно, когда оно настало, ноги и спина еще боле-

ли, но это его не остановило. Ровно в одиннадцать утра он уже был на месте.

Выйдя из раздевалки, Джон увидел в коридоре вычищенного до блеска Луи. Конюх уже собрался накинуть седло на спину жеребцу, как вдруг Луи сказал:

– Нет, стой! Дай, он сам.

И, глядя в упор на растерявшегося Джона, он уточнил:

– Я слышал, ты взял абонемент, верно? То есть, ты намерен обучаться как следует, а не просто вспоминать детство у бабушки в деревне? Тогда тебе стоит быть в курсе того, что нормальный всадник состоит не только из умения ездить, но и уверенных навыков седлать и ухаживать за лошастью. Это азы. Поэтому подходи, не стесняйся, и займи уже свои белые рученьки полезным делом: возьми у Джорджа седло и надень мне на спину.

Повиновавшись, Джон принял из рук улыбающегося конюха седло (ух, и тяжелая все-таки эта штука!) и попытался накинуть его на Луи. Выполнив данное действие не с первого раза, он вновь был «награжден» шквалом критики:

– Ты мне его на круп для смеха надел?! У меня есть холка – видишь, выступ такой перед шеей, где грива начинается? Так вот передняя часть седла должна быть ближе к ней. Намного ближе... Крыло²⁰ с той стороны замялось, ты не замечаешь? Стремена вытащи... Так, нет. Сними и надень за-

²⁰ Крылья – боковые части седла, помогающие всаднику удобнее сесть, лучше упереться коленями.

ново. И не елозь им по моей спине, мне неприятно! Просто надень и все, хорошо?! – Конь раздраженно фыркнул...

В это время мимо по коридору прошел Филипп. Узрев бригадира, Луи громко позвал:

– Фил, не подсобишь? А то Джордж уже ушел, неохота дергать его и орать на всю конюшню, а тут иначе надолго затянется. Объясни ему, – мотнул конь головой на мучающегося с седлом неумеху, – как это делается, я в долгу не останусь.

Фил любезно выполнил просьбу и, прочитав мини-лекцию об устройстве седла, помог Джону его надеть.

– Подпругу пусть сам попробует затянуть, чтоб понимал, – сказал Луи, а сам при этом незаметно вдохнул побольше воздуха, надув бока. Разгадав хитрость опытного педагога, Фил с улыбкой шагнул назад, предоставив Джону свободу действий и предварительно припугнув тем, что, если недостаточно затянуть этот широкий ремень, то есть большой риск во время езды шлепнуться на землю из-за съехавшего на бок седла.

В течении нескольких долгих минут напрягая все имеющиеся у него силы, основательно утомившись и чуть не сорвав себе руки, Джон все же справился с поставленной перед ним задачей. Взмокший, но страшно гордый, он с наслаждением услышал похвалу Фила: «Поздравляю, твоя первая подпруга!» и повернулся, чтобы ответить бригадиру. Однако, едва раскрыв рот, услышал позади негромкий оклик Луи.

Странная нотка была в голосе коня... Посмотрев обратно, Джон с ужасом обнаружил, что с такими стараниями затянутая им подпруга свободно болтается на пузе инструктора, как детские качели!

– Но... Как же... Я ж затянул, – потерянно развел он руками.

– А я бока надул, – невозмутимо сообщил Луи.

– Но зачем?!

– А затем, чтоб ты ее резко не затягивал, вот зачем! Ты не подумай, – назидательно продолжил жеребец, – что я тут в дедовщину играю, цель этого была вовсе не поиздеваться над тобой, а показать наглядно, что мне – то есть, нам, лошадям, – не доставляет ровно никакого удовольствия, когда нас пытаются утрамбовать, как барышню в корсете. Спешка здесь не нужна, тебя никто не гонит. Делай все постепенно: дырочка – отдых, постоял секунду, еще дырочка – еще отдых... И мне стресса никакого, и у самого руки целы будут. Ну все, Фил, перезатяни меня, и мы пойдем: и так времени уже сколько прошло, ему надо еще успеть поездить.

На улице Луи запретил Филиппу подсаживать новичка и заставил того самостоятельно взобраться на себя.

– Встаешь слева, – поучал он, – левую ногу – в стремя... Левую, Джон! Где левая нога?! Так, держись за заднюю луку седла и за гриву. Не бойся, мне не больно, зато моя грива, в отличие от седла, никуда не денется. Подпрыгни: раз, два... Давай! Сильней! Опирайся ты на стремя, держись крепче!

Вставай, ну! Каши, что ли, мало ел?! Оп-па, наконец-то! Поводья разбери²¹, куда бросил! Фил, стремена ему подгони²²...

Так начался второй урок. На нем Луи опять следил за посадкой своего подопечного и учил того «работать корпусом».

Ближе к концу Луи вдруг задал вопрос:

– Мистер Джон, порысить не желаете?

– Порысить? В смысле, побежать быстрее? – удивленно переспросил новичок.

– Порысить – это порысить, – терпеливо ответил конь. – Это значит, продолжить движение аллюром под названием «рысь». Ну так как?

– Конечно, да... – И, не успел Джон окончить фразу, как почувствовал, что тело инструктора под ним стало как-то подпрыгивать, заставляя его самого глупо бултыхаться в седле, больно ударяясь пятой точкой... Все началось так резко и так внезапно, что Джон, крепко вцепившись в поводья и стараясь удержать равновесие, с серьезным опасением подумал, что его сейчас вышибут из седла.

– Мистер... Мистер Бенедикт, пожалуйста... Я сейчас упаду... Стойте! Я сейчас свалюсь...

²¹ Разобрать поводья – правильно взять их в руки, подтянув, чтобы они не были перекручены и внутренними сторонами прилегали к шее лошади. Ремень поводьев должен зажиматься в руке между большим и указательным пальцем и между безымянным пальцем и мизинцем.

²² Подогнать стремена – с помощью специальных ремней – путлиц – сделать стремена повыше или пониже в зависимости от длины ноги всадника, чтобы при согнутом колене пятка без труда опускалась ниже мыска.

Следуя его просьбе, жеребец перешел на шаг, давая ошеломленному седоку отдышаться.

– Ну что, еще разок попробуем? – Коварно не дождавшись ответа, Луи вновь поднялся в рысь, однако уже на третьем шаге вынужден был остановиться: Джон сполз на бок и готовился встретиться с взрыхленным песком плаца.

– Ты не ловишь ритм движения, – сказал Луи подопечному, когда тот вернулся на место. – И, конечно, сидишь неверно. Руки ты куда в небо дерешь? Что ты цепляешься за повод, как утопающий за соломинку? Повод – для управления, и только, а держаться ты должен, опираясь на стремяна и балансируя телом. Колени – плотно прижаты, пятки вниз, что ты ногами сучишь, как акробат? Спина – прямо, а не колесом... Давай еще пробовать.

Но и другие разы снова и снова Джон повторял те же ошибки, совсем не понимая, как это вообще возможно – держаться, а тем более, управлять быстрой машиной, движения которой практически невозможно предугадать...

– Ладно, на сегодня хватит, – смилостивился, наконец, Луи и перешел на шаг. – В следующий раз расскажу тебе, как облегчаться.

– Кажется, я уже чуть было не облегчился... – тяжело дыша, пробормотал обессилевший Джон.

– Чудак, – с коротким смешком ответил конь, – не в этом смысле. Кстати, ты каску-то будешь носить?

– Каску? А я ее еще не купил... – Тут Луи внезапно «дал

козла» – подпрыгнув, с силой лягнул задом воздух, в результате чего новичок мгновенно вылетел из седла.

Не успев толком ничего осознать, Джон увидел перевернувшийся перед глазами мир и после короткого полета очутился лежа на земле. Луи знал, куда ронять его: затылок неумехи не пострадал, столкнувшись с мягкой кучкой песка на краю плаца. Джон глянул вправо: рядом с его головой переступали подкованные копыта инструктора.

– Вот для чего нужна каска, – строго сказал Луи, глядя сверху на удивленного новичка. – Уяснил? Чтоб в среду был в ней. – И направился на конюшню, не оглядываясь, поскольку и так знал, что этот смешной чудила, вскочив и наскоро отряхнувшись, уже спешит следом за ним.

После того, как его расседлали, Луи попросился у Фила в леваду. Гуляя, он увидел идущего на автобус Джона и окликнул его.

– Ну как, нравится заниматься? – спросил конь и несколько задумчиво поглядел на ответные энергичные кивки. Простое лицо с добродушной улыбкой, потертая джинсовка со старенькими штанами, за плечами объемный рюкзак: перед ним стоял самый обыкновенный двуногий недотепа, каких десятки, если не сотни обучил он за свою карьеру. То же нескрываемое уважение во взгляде, которое через некоторое время либо сменится на обиду и враждебность за крутое обращение и постоянные колкие замечания, лиду дополнится благодарностью за те же словесные тычки и пинки, которые в

конечном итоге приведут к достойным результатам... А пока это – просто «болванка», незнакомый, в общем-то, человек, из которого до некоторых пор сложно понять, что выйдет.

Хотя Луи молчал, Джон не прощался, чувствуя, что внимательно разглядывающий его конь хочет что-то сказать.

– Какова твоя цель? – спросил, наконец, Луи. – Для чего учишься верховой езде?

– Для души, – просто ответил Джон. – Всегда мечтал об этом. А цель моя – поучаствовать в «Осеннем Турнире» в этом году.

– Соревнования?! Неслабые ты себе задачки ставишь, – изумленно фыркнул конь. – Ты хоть в курсе, что они будут уже через пару месяцев? При таких обстоятельствах нам с тобой либо придется заниматься круглосуточно, либо тебе – отсрочить свою затею минимум на год... Что верней всего: я при всем желании не могу гарантировать тебе, что мы успеем более-менее подготовиться.

– Мне важно не выиграть, а только поучаствовать... – уточнил на всякий случай Джон, на что Луи прыснул:

– Разумеется, не выиграть! Для того, чтобы взять там хоть что-то, тебе, мой друг, надо обучаться не один год! Будет если не чудом, то, по крайней мере, о-очень хорошим, просто великолепнейшим результатом, если через пару месяцев занятий с полного нуля тебя туда вообще допустят!

– Что ж... – Джон на секунду задумался. – Все равно – давайте заниматься! А вдруг получится. Да и мечта моя – уметь

ездить, а не именно выступать. Выступление – это как подтверждение, доказательство того, что мечта сбылась, – уверенно повторил он слова приятеля-коуча. – До свидания, мистер Бенедикт! – И, повернувшись, зашагал к остановке.

– Джон! – услышал он за спиной и остановился...

– Почему я? Почему говорящий конь?

Было немного стыдно признаться, что причиной являлось следование киношным образам из детства, поэтому Джон соврал, пожал плечами:

– Просто мне кажется, вы все доступнее объясняете. Непосредственно от своего лица... Морды... В общем, как лошадь.

– Ясно, – протянул Луи, ни на йоту не поверив в искренность его слов. Клиент махнул на прощание рукой; он, кивнув в ответ, проводил взглядом его спину и отправился неспешно прогуливаться вдоль оградки.

Дома Джон, рассказывая семье про сегодняшний день, со смехом описал эпизод своего падения, устроенного Луи в назидательных целях. Хохоча, маленькая Салли, взглянув на маму, спросила:

– Папа шлепнулся, да?

– Да, малыш, папа шлепнулся, – с улыбкой погладил ее по спинке Джон. Однако Надин не столь положительно оценила юмор.

– Ты же мог разбиться!..

– Дорогая, он знает, что делает, поверь...

– Верно, Джон, и поэтому мы завтра же в спортивном магазине купим тебе каску – они там есть, я видела. А заодно... Какими местами ты еще можешь травмироваться?..

На следующем занятии Луи, с некоторым изумлением разглядывая полнейшую новенькую экипировку своего подопечного, включавшую в себя помимо шлема трикотажные штаны для верховой езды, ботинки с крагами²³ и даже перчатки, подумал: «М-да, умею я, однако, запугать...» Вслух же он ограничился сдержанной краткой похвалой: «Молодец».

Сегодняшний урок жеребец, как и обещал, посвятил тому, чтобы научить новичка «облегчаться» на рыси: во время прохождения подсакивающим инструктором наивысшей точки он должен был вовремя успевать привстать на стременах, гася при этом толчки, в противном случае выбивавшие из седла. Бедняге Джону никак не удавалось подгадать движения Луи и синхронизировать с ними свои. К тому же мешала противная мышечная боль в спине и ногах. Жеребец, конечно же, во время этого процесса не молчал:

– Руки, следи за руками! Давай, оп-п! Оп! Не плюхайся обратно, как на диван, у меня спина не казенная. И, при-

²³ Краги – часть экипировки всадника, кожаные голенища для езды верхом.

вставая, совершай движение тазом вперед, а не просто поднимайся на стременах. Колени прижми, шенкелем работай!

Почувствовав вскоре, что ученик выбился из сил и уже просто болтается подобно мешку с картошкой, он перешел на шаг. Получивший передышку Джон спросил:

– А что такое шенкель?

– Нога от колена до щиколотки, – коротко пояснил Луи, удивившись про себя, что не сказал ему это раньше.

– Ваша? – «глубокомысленно» прозвучало сверху. То, как инструктор скосил на него глаз, подсказало Джону, что ответ, скорее всего, отрицательный. «Гм, да, что-то я сглупил: как бы он говорил работать его же ногой?» – понял он мгновение спустя свою ошибку.

– Моя щиколотка скакательным суставом называется, – вздохнул конь. – Все, отдохнул? Продолжим!

...Добиться от новичка более-менее вразумительной рыси сегодня так и не удалось, хотя старания того были хорошо видны. Это хорошо, подумал Луи, везя запыхавшегося ученика обратно в конюшню. Лучше пусть молча терпит неудачи, но слушается, чем иначе...

В коридоре, согнав с себя Джона неласковым: «Слезай давай, чего расселся?», Луи остановил его, когда он уже собрался прощаться.

– Сейчас меня расседлают, а ты возьми щетку и смахни меня. Верхнюю грязь, то есть, стряхни. Джордж, будь добр, дай ему щетку!

Джону показалось, будто он – лакей, чистящий кафтан своему господину. Наверное, это из-за того, что Луи был разумный и строгий. Джон даже захотел проявить галантность: добравшись до передних ног, он услужливым тоном проговорил:

– Пожалуйста вашу коленку, сэр...

– Коленку?! – тут же возмущенно отреагировал «лорд». – Сам ты коленка! Это запястье.

– Как – запястье?.. – растерялся Джон. Вздохнув и поймав понимающий насмешливый взгляд проходившего мимо Фила, конь фыркнул:

– Филипп, дружище, покажи ему на макете!

«Показать на макете» означало на языке Луи заставить ученика встать на четвереньки и на нем же самом показывать соотношение конечностей лошади и человека. Жеребец считал, что так проще доходит.

– Вы передвигаетесь на пальцах?! – воскликнул Джон, когда усмехающийся бригадир без единого слова пресек его попытку опереться на всю ладонь, поставив на пыльный асфальт кончики его средних пальцев и загнув остальные.

– Вернее, даже на ногтях, – ответил наблюдавший Луи. – Копыта состоят из той же роговой ткани, что и ваши ногти и волосы. Нам тоже «делают маникюр» – расчищают копыта: убирают грязь снизу специальным крючком, лишнее подрезают ножом, потом полируют края рашпилем. И, знаешь, было бы до жути больно, если бы гвозди подков держались

не на роге копыт, а на пальцах.

Уяснив, где на самом деле у лошадей локти и колени (гораздо выше, чем он себе до этого представлял), что такое «бабка²⁴» и «каштан²⁵», Джон понял, что много чего, оказывается, не знал об этих странных, удивительных созданиях...

– Но ведь насчет кошек и собак ты был осведомлен, что они на цыпочках ходят? А мы чем хуже? Все, бывай, до новых встреч! – попрощался с ним Луи в тот вечер.

На конной базе начиналось прекрасное воскресное утро. Ворковали, в танце расправляя веером хвосты, сизые голуби, носились с безумной скоростью и истеричными криками стайки стрижей, вблизи крыш сновали туда-сюда юркие хлопотливые ласточки. Собаки, лениво почесываясь и зевая, ждали, пока дворник наложит им в миски кашу на завтрак. Где-то слышалось гроыхание по асфальту колес тачки, доверху нагруженной свежескошенной травой.

Алекс, вооружившись щеткой и скребницей, деловито выясняла у бригадира, кого сегодня надо чистить. Услышав среди прочих имя Луи, она радостно побежала к его деннику, намереваясь начать со своего любимца.

²⁴ Бабка (путо) – часть единственного пальца лошади от копыта до первого сустава, называемого «путовым».

²⁵ Каштаны – костные наросты на внутренней части ног лошади – рудименты исчезнувших в ходе эволюции указательных пальцев.

– Привет, Бенья! – весело поздоровалась она, открыв дверь.

– Здравствуй, Алекс. Погоди, – сразу предупредил конь, – не чисть меня, отдохни.

– А как же...

– Сегодня кое-кто другой этим займется.

– А-а, ученик, да? – понимающе покивала девочка, немного расстроенная этим.

– Да, – ответил Луи и тихо добавил: – Знаешь, я... Возлагаю на него некоторые надежды. Только никому не говори, ладно? – заговорщически подмигнул он, дабы заставить Алекс улыбнуться.

Алекс с большим интересом следила за работой своего друга и всегда была в курсе того, кто сейчас занимается у Луи и каков у него или нее потенциал: конь часто рассказывал ей про успехи учеников и делился своими соображениями по поводу их будущего. Она знала, что с абсолютными новичками жеребец обыкновенно держался излишне строго, но понимала, что это был его способ скрыть свою уязвимость. Бригадир когда-то поведал пару историй о том, как с большим трудом любовно возвращенные, уже научившиеся прилично ездить всадники, способные брать призы на соревнованиях, вдруг по каким-либо причинам бросали верховую езду, и как бедный Луи потом переживал, ошибочно принимая это на свой счет. Луи был честолюбив, ему доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие выступать под ис-

тинным чемпионом, слушаться любого микроскопического движения его пальцев и ног, считая их почти что своими, за секунду предугадывая мысли сидящего сверху человека, которого он сам же тщательно воспитал в течение длительного времени... Фил рассказывал, что Луи, вопреки всеобщему мнению о гордом свободолюбии говорящих лошадей, всей душой мечтает быть под тем, кому можно полностью и безоговорочно довериться, позволив себе не думать и не контролировать беспрерывно все, что происходит, а просто скакать или прыгать, всецело отдавшись инстинкту, командам повода и шенкеля, в общем, стать тем, кем рожден – конем для всадника.

Обо всем этом Алекс размышляла и искренне жалела Луи, который давно научился не любезничать с каждым встречным. Из восторженного молодого жеребчика с пылким взором, готового из кого угодно сделать виртуозного всадника, он с годами превратился в опытного преподавателя, долгое время приглядывающегося ко всякому клиенту, прежде чем мысленно перевести его в разряд «учеников». Зато теперь это звание дорогого стоило!

Через несколько минут нынешний неумеха переступил порог конюшни. Любопытная Алекс поскорей закончила с рыжей немой кобылой и выбежала посмотреть на новичка.

Переодевшись, Джон вышел в коридор, но инструктора там не увидел. Он подошел к деннику коня и растерянно спросил:

– Вы... Не на развязке?

– Нет, – сквозь решетку ответил ему Луи, – ты меня выведешь. Бери скребницу и щетку, чисть меня. Алекс, покажи ему, пожалуйста, где инструменты. Кстати, познакомьтесь: Алекс – Джон, Джон – Алекс. Алекс помогает тут, на конюшне. К слову, она знает намного больше твоего.

– Здравствуйте, – вежливо подала руку девочка, чуть смутившись от похвалы коня.

– Вот как, – улыбнулся Джон, пожимая ее ладошку. – Моя дочка лет через пять будет, как ты.

– Расскажешь ему что-нибудь? – предложил жеребец.

– Да, конечно, только за скребницей метнусь! – Фразу Алекс закончила уже на бегу.

– Хороший ребенок, – тихо сказал Луи. – Ее на конюшне все любят, включая немых.

Вернувшись, девочка подала Джону инструменты и в двух словах описала, как надо чистить лошадь.

– Да вы не гладьте его, а чистите, – засмеялась он, глядя на первые неуверенные попытки Джона, и показала пример. – Не бойтесь прикладывать силу, ему не больно, а даже приятно.

– Ага, я прям балдею, – ехидно вставил Луи.

– А ты вообще молчать должен, ты же лошадь, – хлопнула его по крупу Алекс. – Максимум – говорить «иго-го»!

– И-и-го-го, – с улыбкой подыграл ей Луи.

– Так-то, Бенья, – похвалила девочка.

– Бенья?! – прыснул Джон и хотел было добавить: «Как это мило», но, встретившись с выразительным взглядом инструктора, понял, что делать этого не стоит.

...Подседлав с помощью бригадира Луи, Джон вывел коня из конюшни и под его диктовку сел верхом. Алекс проводила их до выхода, а затем пошла дочищать оставшихся лошадей.

По дороге на плац Джону с Луи повстречался шедший рядом со своим конюхом серый в яблоках²⁶ рослый конь Дик из соседней конюшни.

– Дик, дружище, как дела? – весело ржанул Луи.

– Луи, овес мне в нос, вот так сюрприз! Рад видеть тебя, – с удовольствием пряднул ушами жеребец. Они обменялись коротким приветственным обнюхиванием. – Нам с тобой и поговорить-то некогда: все наше время занимают эти «ковбои», – кивнул Дик на Джона.

– Это точно... Как твой-то?

– А-а... – Сосед фыркнул и махнул хвостом. – Шлепнулся вчера в грязь и обиделся. А то, что сам на скорости настоял – так, неважный для мировой истории факт... Возомнил себя великим седоком. Спесь с ним сбивать надо... Слушай, не в курсе случайно, сегодня овес-то завезли или как?

– Ну, ты заказывал? Так-то, бесплатно – не знаю. У нас немым не давали еще, может, кончился.

– Вот что за привычка людей не закупаться заранее. Лад-

²⁶ Серая в яблоках – лошадиная масть, серый окрас с разбросанными по телу небольшими светлыми пятнами – «яблоками».

но, бывай, не буду задерживать! – И кони, кивнув друг другу, разошлись.

Чуть погодя, проходя мимо левады, Луи с Джоном услышали призывное ржание гулявшего там немого.

– День добрый, – крикнул ему Луи, мотнув головой.

– А ржать ему вы не будете? – поинтересовался Джон. – И вообще, всегда хотел спросить: а что означает промеж вами ржание?

– Хочешь знать? – оглянулся Луи. – Нет, ржать я не собираюсь, и вот почему. Представь себе, что ты сейчас встречаешься с другим человеком и начнешь вдруг кричать. Никто не спорит, кричать можно с различным выражением, имея ввиду что-то конкретное, и при одновременном использовании языка тела тебя, возможно, даже поймут. Можно издавать всякие звуки: рычать, пищать, делать «о-о-о» или «ы-ы-ы»... Но все это не будет являться членораздельной речью, это не разговор. Это – пещерное общение времен каменного века, и с чего ты должен будешь ему следовать, коли тебе дано разумное и современное? Так и с нами.

Вместе с человеком внимательно слушая его объяснения, немой, словно согласившись, в конце протяжно заржал.

– Гу-гу, мой родимый, – ответил ему Луи и, улыбаясь, переглянулся с Джоном.

...После разминки на шагу Луи снова принялся мучить подопечного тряской рысью. Бедный Джон нелепо болтался в седле, раз за разом предпринимая абсолютно безуспешные

попытки облеγχиться, как вдруг он почувствовал, что характер движений инструктора странным образом изменился: они перестали быть резкими и толчкообразными, хотя скорость при этом ничуть не уменьшилась, а напротив, возросла! Еще не понимая, в чем дело, Джон попробовал было привстать и тут с немалым удивлением обнаружил, что и без того прекрасно сохраняет равновесие. Езда теперь напоминала неспешную качку, плавную и стремительную, ветер с увеличившейся силой был в лицо и вздымал черную гриву перед ним. Спустя три четверти круга после короткого перехода на привычную уже рысь Луи зашагал.

– Понял, что это было? – спросил он.

– Галоп?.. – выдохнул ошалевший от неожиданности Джон.

– Верно, друг мой. Понравилось? – До чего забавно разговаривать с новичком после первого в его жизни галопа – прям как с ребенком!

– Ага... Давайте еще? – попросил Джон, но Луи ответил:

– Погоди, передохни. Сделаем шаг, потом – рысь и опять поскачем. Движение во время занятия определенным аллюром называется «один реприз»: реприз шага, реприз прибавленной – то есть, ускоренной – рыси, реприз среднего галопа, – перечислил конь, неторопливо ступая по песку. Замолчав, он после непродолжительной рыси вновь поднялся в галоп. Перед тем он указал новичку на ошибки и погрешности в посадке и езде, однако все эти замечания не возымели ни-

какого действия: Джон был слишком счастлив, чтобы включать голову. Он уже представлял себя и Луи в полицейской форме, во весь опор преследующими угнавших инспекторский автомобиль гангстеров...

– Руки куда дерешь, за ногами следи! – пытался вернуть его с небес на землю Луи. – Держись давай, недотепа!

– Я держу тебя, держу!!! – закричал в восторге Джон, вспомнив фразу из эпизода в другой серии, где Стив спасает Уолтера из цистерны с жидким бетоном...

После этого идиотского крика Луи решил срочно предпринять воспитательные меры и резко встал. Джон, практически не держась ногами, по инерции пролетел вперед. К счастью, галоп до этого был совсем небыстрый, так что, соскакивая, он успел ухватиться за голову коня и все-таки остался на ногах, обняв его морду и несколько испуганно уставившись в его огромный глаз.

– Пусти ты, – тряхнул конь головой. – Так. Садись, – командовал он. Вновь почувствовав на себе Джона, Луи принялся корректировать его посадку.

– Вперед не двинемся, пока не сядешь нормально!

Сейчас исправления занимали уже меньше времени: Джон потихоньку заучивал верное положение в седле.

Конь двинулся шагом, отрывисто бросая:

– Корпус, спину прямо, шенкель, руки к холке!

Заставив подопечного правильно прошагать пару кругов, Луи предупредил:

– Я сейчас опять начну галоп. Будь внимателен и не забывай делать то, что делаешь в данный момент: сиди ровно, не держись, а управляй поводом, колени прижми, пятки должны смотреть вниз. Отличие будет небольшое: двигай корпусом в такт мне, и при моем толчке вперед чуть давай мне повод, но не распускай его! Вперед, сейчас ты все поймешь!

На этот раз получивший урок Джон вел себя куда осторожней, стараясь как можно четче выполнять все, что услышал.

– Так, так, молодец, уже лучше! – Но и без похвал инструктора он почувствовал, что едет теперь более осознанно и толково, следя за движениями Луи. Вдруг Джон поймал себя на мысли, что движения эти – ритмичны! То есть, он и раньше подозревал, что каждый скачок ничем не отличается от последующего, но теперь ясно понял это на телесном уровне. А раз ритмичен галоп, то и рысь не должна являться набором хаотичных дрыганий... Желая проверить свое предположение, он сам попросил Луи сменить аллюр. Несмотря на то, что у Джона, как ему самому показалось, все равно так ничего и не вышло, Луи неожиданно заметил:

– Во-от, совсем другое дело! До идеала, конечно, еще далеко, но... Ты ведь начал чувствовать ритм? Давай так: я на шаг буду говорить тебе, когда привставать, и ты до конца уловишь суть.

Так они и сделали. На шаг у Джона, разумеется, легко получалось облегчаться, но как только Луи пытался рысить,

он сбивался из-за усиливающейся тряски, и конь заново шагнул. Потихоньку у Джона начало кое-что выходить, но в один момент Луи сказал:

– Все, шагаем в последний раз и завершаем. – И, предугадав вопрос подопечного, добавил: – Ты и так порядком устал, будет лучше, если передохнешь пару дней, а потом со свежими силами покажешь мне, чему научился. У тебя в голове все должно уложиться.

Только сейчас, слезая с седла, Джон обнаружил стоявшую за забором Алекс. Было похоже, что она давно наблюдает за занятием. И действительно, когда он подошел к девочке, она улыбнулась:

– Я видела, как вы свалились с Бенечки. Испугались?

– Ничуть, – улыбнулся в ответ Джон. – А ты давно тут помогаешь?

– Ага, почти два года. Меня Беня всему научил! – гордо поделилась Алекс.

Они вместе пошли на конюшню.

– Беня – от имени Бенедикт?

– Да, только вы его так не называйте, а то он обидеться может. Он одной мне это разрешает, сама не знаю, почему...

Поравнявшись с ними, Луи фыркнул:

– Потому что с твоих уст это звучит мило, а с его или чьих-либо еще будет звучать нагло! – И, не сбавляя шага, перегнал их.

– Не переживайте, – шепнула девочка, – вы еще подружи-

тесь!

– Так мы и не ссорились вроде, – пожал плечами Джон.

– Он доверится вам, а вы – ему, – пояснила Алекс. – Он ведь только кажется таким строгим, на самом деле он очень добрый, я знаю!

Вышедший из конюшни Фил позвал ее. Алекс побежала к нему, а Джон, глядя, как она через пару секунд понеслась выполнять какое-то поручение бригадира, подумал: «Мистер Бенедикт прав, славная девчушка!»

Так проходили недели за неделями. С каждым занятием Джон узнавал все больше нового и привыкал к должному положению в седле на всех аллюрах, а Луи все внимательнее приглядывался к бывшему неумехе, а теперь полноправному своему ученику, делая для себя выводы о том, можно ли было бы вылепить из него что-нибудь толковое. Его радовал спокойный и покладистый характер Джона, его способность не обижаться на резкие окрики, вроде: «Ты что повод дергаешь, а если б у меня трензель²⁷ был?!» или «Опять плюхаешься, как мешок картошки!» А однажды, когда Джону после удачного галопа показалось, что и шагает он теперь чуть ли не с рыцарским достоинством, он попросил Луи прокомментировать посадку, ожидая похвалы, однако конь ответил: – Ну, как бы тебе сказать, чтоб не обидеть... Видишь, ло-

²⁷ Трензель (удила) – железо во рту лошади, с помощью которого ей управляют.

пата лежит? Вот если привяжешь ее к спине, будешь ездить почти идеально! – И с удовлетворением почувствовал, как понявший сей недвусмысленный намек Джон без слов выпрямился.

По вечерам Луи часто предлагал ученику остаться и помочь конюхам с ним и другими лошадьми: почистить, покормить, попоить – словом, поучиться уходу. Джон обрабатывал амуницию специальными средствами, отбивал денники²⁸, расчесывал гривы и хвосты, с удовольствием слушал рассказы бригадира о характере и особенностях каждой из лошадей. Хотя, конечно, слишком надолго Джона не задерживали, помня, что у него семья и ранний подъем на работу.

Иногда, если он быстро управлялся с делами на конюшне и до автобуса оставался еще где-то час, Джон заходил к Луи в денник погостить. Опершись о кормушку или пристроившись сидя рядом с конем, он болтал, посмеиваясь, со своим строгим инструктором обо всякой чепухе, а порою между ними возникали довольно откровенные разговоры. Луи в непринужденной обстановке становился очень даже интересным собеседником.

– Так ты зачем едешь-то? – спросил конь его раз, лежа в деннике и позволив ему удобно устроиться у себя на боку.

– Ну, – глядя на стену перед собой, Джон подумал, что теперь, пожалуй, не стыдно и рассказать ему о своих грезах. – Помните, шел по пятому каналу такой сериал лет двадцать

²⁸ Отбить денник – убрать навоз, сменить опилки, на которых стоит лошадь.

назад: «Стив и Уолт»? Там были человек и говорящий конь, оба в полиции работали...

– Ха, как же, видел я этот сериальчик, – с усмешкой фыркнул Луи. – Неплохой в целом, живенький, но уж больно много ляпов. Так ты хочешь быть, как Стив?

– Да, между ним и Уолтом такое взаимопонимание, они...

– Угадывают мысли друг друга, всегда могут рассчитывать на верное плечо или холку товарища... – продолжил к его величайшему изумлению Луи и тут же со вздохом добавил: – Боюсь огорчить тебя Джон, – так не бывает.

– Я знаю, что это постановка, что не за такое короткое время, но...

– Нет, Джон. Так не бывает в принципе, и позже ты поймешь, почему. Однако, – предупредил конь расстроенный ответ повернувшего уже голову ученика, – однако в жизни бывает несколько по-другому, и в этом – своя необыкновенная прелесть. Ты поймешь, о чем я говорю, когда станешь немного опытней в верховой езде. Пока что думать обо всем этом тебе рановато, уровень мастерства не тот. Всему свое время, но, думаю, в итоге ты не пожалеешь. Что ж, теперь мне, по крайней мере, понятно, почему ты решил заниматься на говорящем коне.

Повисло короткое молчание, первым которое нарушил Луи:

– Я надеюсь, ты не берешь за образец езду Стива? Ездит он поистине ужасно!

– Да? – И оба весело расхохотались.

...Дома Джон специально ради интереса пересмотрел парочку серий и против ожидания отметил, что слова Луи были не везде верны. В сценах погонь и перестрелок Стив вполне уверенно и грамотно держался. Когда же Джон озвучил свое недоумение инструктору, тот фыркнул и потрянул гривой:

– Удивляюсь я твоей наивности, Джонни. Это ведь каскадер! Или ты всерьез допускаешь, что один и тот же человек может так по-разному ездить: полный бездарь на шагу и профи на бешеном карьере²⁹? Приглядишься, у них же лица разные!

И тут конь оказался абсолютно прав. Джона даже несколько расстроило развенчание одного из самых главных кино-мифов детства: исполнявший роль актер Стива вовсе не являлся виртуозным всадником... Отсюда следовал другой вывод, в котором Джон себе не сразу признался: а было ли тогда между ними хоть какое-то взаимопонимание?..

Увидев на следующем занятии своего ученика в странной задумчивости, Луи всерьез забеспокоился, не бросит ли разочарованный мечтатель заниматься. Особенно опасения коня усилились после брошенной Джоном рассеянной фразы:

– Простите, мистер Бенедикт, это все глупо и наивно... Вот вы и сами говорите, что так не бывает...

²⁹ Карьер – максимально возможный по скорости галоп.

– Но бывает по-другому, – поспешил Луи его успокоить. – Бывает лучше... Дай только срок.

– Правда? – с надеждой спросил Джон, и на некоторое время тема была закрыта.

Возвращение к ней было хоть и случайным, но неизбежным. Во время очередного занятия, когда настало время переходить на рысь, Луи сказал, что Джон должен уже сам определять момент смены аллюра.

– Но ведь вы разумны, мистер Бенедикт, – растерялся тот. – Должен ли я вами руководить?!

– Не то что должен – обязан, ты ведь человек, а я конь. – Чувствуя усиливающееся смущение ученика, Луи продолжил: – Джон, пойми, та чепуха, которой ты насмотрелся в детстве, с реальной действительностью не имеет ничего общего. Там лошадь и человек показаны как два напарника, как коллеги, словно они ровня друг другу. Но этого просто не может быть в жизни. Ты – человек, царь природы, это факт. Мы, какими бы разумными ни казались, никогда не сравнимся с вами. Мы – лошади, животные. Вы должны управлять нами, а мы вам – доверять. Конечно, доверие должно быть обоюдным, но вам принадлежит активная роль, этого не изменить и лучше не пытаться. Каждый должен быть на своем месте.

– Но ведь вы меня обучаете, – попробовал возразить сбитый с толку Джон.

– Да, пока ты неуч, пока еще не приобрел необходимые на-

выки, – согласился Луи. – Но постепенно нам нужно меняться местами, я должен больше подчиняться тебе... Не воспринимай мои слова, как трагедию, это норма.

Пройдя еще несколько шагов, Луи озвучил пришедшую вдруг мысль:

– Вот почему лучше сначала учиться на немых. С ними таких вопросов не возникает.

Они помолчали еще четверть круга, думая каждый о своем. Потом Джон среди гробовой тишины неуверенно спросил:

– Я... Должен быть главным? Управлять? Как царь природы?..

Это словосочетание – «царь природы» – прочно ассоциировалось у него с потребительским отношением к этой самой природе и совсем не вязалось с понятиями о партнерстве.

– Верно, – безжалостно подтвердил Луи. – Но должен быть именно «царем», а не «узурпатором», – уточнил он.

– Но что, если я хочу быть вам другом?..

– Следование своей природе вовсе не отменяет дружбы. Я ж не говорил, что буду теперь лебезить перед тобой, еще чего. Но я должен доверять тебе... Ты понимаешь? Мне необходимо быть уверенным в том, что все, что ты делаешь, – хорошо, и что подчиняться тебе будет для меня самого же благом. Я не обязан всякий раз думать за двоих, это скорее твоя задача, а я, раз уж разумен, могу быть на подстраховке и иногда советовать, если это уместно.

Луи знал, что сказанное им в корне меняет все представления Джона, буквально переворачивая их с ног на голову. Но не озвучить этого он не мог: умалчивание было бы равносильно чудовищному обману. Он смиренно ждал реакции ученика.

– Мистер Бенедикт, – сказал Джон после короткого молчания, – но ведь я... Я могу не справиться, я сам в себе не уверен, у меня нет опыта... Что же мне – отвечать за двоих?..

– Да не бойся ты, – фыркнул конь, – я не собираюсь всю ответственность взваливать на тебя, пока не увижу, что ты готов. Но вектор развития наших отношений тебе следует видеть.

– Ладно я, но вы – как же вам не страшно довериться мне, вы ведь меня не знаете! Вернее, знаете, но не так хорошо... Да и вообще – я ж не лошадь, что я могу понимать, как могу судить о том, что для вас лучше!..

Выслушав его, Луи Бенедикт III тяжело вздохнул и медленно, отчетливо проговорил:

– Вы не умеете доверять. Вы сами не можете довериться более высокой силе и не верите, что на это способны те, кто ниже вас. Вы не способны на партнерство...

Сказано это было с искренней горечью, в форме констатации факта. Вслед за этим Луи почувствовал, что наступил поворотный момент: либо горе-мечтатель сейчас психанет и все бросит, либо...

На пару секунд повисло тягостное молчание. Затем Джон

сказал:

– Послушайте, мистер Бенедикт. Я взрослый человек, но веду себя, как ребенок, я это знаю. И я также прекрасно знаю, что вы ни в коем случае не ставили сейчас целью оскорбить или унижить меня, а напротив – старались быть предельно честным со мной, за что я бесконечно вам благодарен. Но прошу вас, я правда не понимаю... Объясните мне, пожалуйста, в чем смысл всего этого и чем же это лучше того, что показано в фильмах?

Его искренние слова и негромкий голос приятно удивили Луи. Оценив сказанное, конь повернул голову и скосил на него глаз:

– Немногие реагируют, как ты.

Похвала была приятна Джону, но ему, тем не менее, требовался ответ:

– И все же?..

– Гм. Одну минуту. – Жеребец видел, что ученик изо всех сил старается идти навстречу. Теперь важно самому не наломать дров и не оттолкнуть его.

– Дело в том... – Начав было, Луи снова задумался. Каким же образом следует донести до сидящего на нем человека главную идею своей речи так, чтобы он у себя в голове ничего не исковеркал?..

«А, скажу как есть: если он не совсем дурак, то поймет, как надо».

– Джон, дело в том, что я – конь. Говорящий, разумный,

но – конь. Лошадь. Животное. У меня – инстинкты. Они и у тебя, конечно, есть, но мои мною управляют куда в большей степени, хоть тебе сразу это и не заметно. Однако из-за того, что я говорящий, я не встраиваюсь в понятие обычной лошади и посему вынужден решать задачи куда сложнее тех, какие стоят перед безмолвной скотиной. Мне приходится разговаривать с вами на вашем языке, учить вас и вообще принимать на себя во многом чисто человеческие функции. Я обречен делать это, потому что по вашим законам я уже не могу считаться простым животным, и у меня имеются моральные и юридические права и обязанности почти наравне с вами. Но даже их наличие и мой блестящий интеллект не отменяют того, что я – конь, и я устал играть несвойственную мне роль, я замучился включать логику и критическое мышление тогда, когда мог бы просто жрать траву, зазывать симпатичную кобылку или, взбрыкнув под седлом от вредности, покрепче получить шенкелем и пойти себе преспойно дальше, зная, что получил за дело, и без возражений приняв правоту того, кто сверху. Я хочу – да, именно хочу – наконец, почувствовать, что могу опираться на четкий порядок, на чей-то авторитет, это вселяет ощущение безопасности и уверенности. Ты ведь знаешь, Джон, что лошади – от природы пугливые существа, даже говорящие, хоть мы обычно и не показываем своей боязни... Да, кому-то психология покажется рабской, но такова наша природа, наша суть, мы не должны идти наперекор нашим инстинктам. От вас же,

людей, требуется диаметрально противоположное: пересиливая животное начало, вы должны постепенно становиться выше и осознанней, в этом и состоит для вас развитие и цель жизни. А наше дело – подстраиваясь, слушаться вас во всем и быть вам верными помощниками, в этом и состоит для нас истинное благо... И кто бы что ни говорил, это – чистая правда.

Пораженный этой тирадой, Джон не сразу нашел, что ответить.

– То есть... Партнерство заключается в том, чтобы дать вам быть теми, кто вы есть?..

– И самому быть собой. Да. Наконец-то ты понял... – выдохнул конь, устало опустив голову. Что за мысли в ней были, Джон не знал, но через несколько секунд не поверил ушам, услышав, как Луи, не сдержавшись, дрогнувшим голосом произнес:

– Иногда я жалею, что не родился немым.

И тут же, с силой тряхнув черной гривой, бодрым голосом громко скомандовал:

– Так, все, продолжим занятие! Корпус расслабили, спину прямо, пятки вниз и – пошли облегчаться: р-раз, два, раз, два!

Поняв, что загрустившему коню просто необходимо отвлечься, Джон подобрал поводья, прижал колени и стал старательно выполнять его указания. До самого конца занятия никто из них больше не сказал на щекотливую тему ни слова,

вечером же они попрощались так, словно ничего и не было.

Дома Джон много думал над словами Луи. Поистине потрясающим открытием было то, что разум, который люди «подарили» некоторым животным, явился для последних вовсе не редким благословением, а, скорее, тяжелой повинностью... Это заставило его посмотреть на все с совершенно иной точки зрения. И Джон, сделав в соответствии с новой информацией определенные выводы, принял для себя окончательное решение.

...Наступил очередной день занятий. Александра сегодня быть на конюшне не смогла, конюхи Джордж и Сэм тоже были чем-то заняты, и бригадир Филипп, помня расписание и удивившись, что Джон опаздывает, решил сам почистить Луи.

– С чего ты решил, что он вообще придет? – мрачно спросил конь.

– Так ведь сегодня среда, – недоуменно пожал плечами Фил. – Он должен придти на занятие...

– Не факт, – перебив его, коротко бросил Луи и склонил голову к кормушке. Филипп быстро понял, что это значит.

– Вы повздорили? Что ты ему сказал?

– Не важно, что я ему сказал, ясно? Чисть давай, – нервно ответил Луи. Фил не обиделся: он прекрасно понимал, что Луи всякий раз очень переживает, когда уходит ученик, даже если причина от самого коня не зависит. Люди, желающие покататься на необычной говорящей лошадке, порою оказы-

ваются совершенно не готовы к тому, что чересчур мудрое животное станет разрывать их многолетние шаблоны...

Еще один загубленный талант чемпиона, еще один случай обманутого доверия, еще одна рана на сердце... Фил молча продолжил чистить коня.

– Сколько занятий прошло? – отрывисто спросил Луи.

– Восемь, вроде, – ответил бригадир. – Два осталось.

– Тем же хуже для него, – сердито пробурчал конь, в сотый раз кляня себя за то, что вновь не дотерпел до финального занятия с «сеансом психотерапии». Теперь, если Джон все-таки придет, это будет сущее мучение вместо целых двух занятий, которые могли бы быть весьма плодотворными. Луи с неприятным чувством представил себе глупый спектакль, который придется разыгрывать им двоим, натужно улыбаясь друг другу и делая вид, будто то, что они делают, очень нужно обеим сторонам... Да лучше уж пусть Фил перешлет бывшему ученику оставшиеся деньги по почте, вычтя их из зарплаты Луи!

Однако, как бедный конь мысленно ни упрашивал Джона не приходить, тот все же явился. Услыхав его шаги и голос, жеребец с безнадежным вздохом прикрыл глаза. В утешение потрепал его по шее, бригадир пошел встречать клиента.

Луи слышал, как они перекинулись буквально парой коротких фраз, однако слов не разобрал. Впрочем, он не слишком и пытался, ему было уже все равно. Затем Фил вернулся и позвал его в коридор.

Увидев коня, Джон улыбнулся и дружелюбно поздоровался. Молча кивнув, Луи лишний раз мысленно поблагодарил его за мирный характер.

Фил собрался пойти за седлом, но Луи остановил его:

– Погоди, Фил, возможно, это все ни к чему.

– Как ни к чему, я... – начал было Джон, но жеребец перебил его:

– Давай поговорим. Только честно, хорошо? Я не хочу, чтобы мы оба зря теряли время, я даже готов просить Фила вернуть тебе деньги за несостоявшиеся занятия и сам себе урезать зарплату, лишь бы не было клоунады.

Поняв, что конь решил расставить все точки над *i*, бригадир тактично удалился.

– Хорошо, давайте поговорим, мистер Бенедикт, – спокойно согласился Джон. – Вы ведь по поводу той беседы?

– Да. Ты разочарован, не так ли?

– Честно? Действительно, в начале я испытал разочарование и даже шок, – сказал Джон. – Но позже я трезво размыслил обо всем этом. Мистер Бенедикт, я нисколько не сержусь на вас, поверьте. Я сочувствую вам. Мне вас очень жаль... – Тут Джон затих на полуслове, побоявшись уязвить самолюбие коня. Однако Луи, поняв его заминку, благосклонно кивнул в знак того, что опасения не обоснованы.

– Я не горд, – махнул он хвостом, – иначе я бы не сказал тебе тогда всего этого, я был бы безмолвной скалы... Но ответь, намерен ли ты заниматься дальше с учетом изменивше-

гося подхода? Уже хорошо то, что ты не злишься, мне приятно осознавать, что мы не расстанемся в случае чего во взаимных упреках. Но все же правда не хочется без толку отнимать у тебя столько времени, ты ведь можешь посвятить его, например, общению с семьей...

– Погодите-ка минуту, я сейчас переговорю с мистером Филиппом, – и Джон торопливо направился к бригадиру в каптерку. «Ненавижу, когда они так делают», – прижав уши, подумал оставшийся ждать Луи.

Через несколько довольно долгих минут (все-таки очень жаль было терять такого перспективного, а главное – послушного ученика) нахмурившийся конь увидел выходящего из каптерки и непонятно чему радующегося Джона. Приблизившийся к коню клиент с глупой счастливой улыбкой уставился на него.

– Ну, не тяни уже, что решил? – ворчливо спросил удивленный его поведением Луи.

– А вы разве не видите? – Конь мельком глянул на зажатые в его руке бумажки, которые со вздохом принял за деньги. Однако было все еще непонятно, чему так радуется клиент, поэтому Луи решил присмотреться повнимательней и с изумлением обнаружил, что между купюр выглядывает рыженький абонемент на десять занятий! Очевидно, деньги были просто сдачей с покупки.

Джон с нетерпением ждал реакции коня. Она последовала спустя мгновение:

– Надеюсь, ты не из жалости это сделал? Потому что если так...

– Нет, вовсе нет, – впервые осмелился перебить его Джон. – Мистер Бенедикт, я хочу заниматься. У вас. И мне уже даже не важны соревнования, я хочу быть вам партнером. Нормальным партнером, – подчеркнул он, глядя коню в глаза. – Я понял, что вы имели ввиду, говоря тогда, что в жизни все иначе. И я считаю, что это действительно лучше, потому что – правильно!

– Потому что не противоречит природе, – задумчиво пробормотал, соглашаясь с ним, Луи. И уже привычным командным голосом произнес:

– Что ж, если ты правда готов учиться именно такому партнерству, – флаг в руки! Неси вальтрап и седло и давай вспоминать, что мы с тобой проходили. – Поднятые торчком уши, заблестевший взгляд и задорные взмахи хвостом указывали на то, что, несмотря на деловой рабочий тон, Луи был на седьмом небе от счастья!

...Закончив с бумажной работой, которой он, наконец, решил сегодня заняться, раз уж появилась необходимость провести время в каптерке, Фил решил, что уже должны были пройти все возможные сроки разговоров между Луи и Джоном, и вышел. На пороге опершись о косяк, он с удовольствием стал наблюдать, как конь муштрует и распекает тренирующегося одевать седло ученика...

После прошедшего недавно короткого дождя сочная тра-

ва блестела на ярком солнышке. Птицы, не умолкая ни на секунду, заливались звонкими трелями. Копыта Луи неспешно ступали по сырому плацу, после них на песке оставались глубокие круглые следы.

Джон внимательно следил за своей посадкой, стараясь делать все как можно правильной. Ему теперь очень не хотелось хоть как-то огорчить своего доброго наставника. Вдруг он захотел что-то спросил:

– Мистер Бенедикт, а...

– Слушай, Джон, – пряднул ухом конь, – раз такое дело... Давай на ты. И называй меня просто Луи, хорошо?

– Э-э... Хорошо, мис... хм... Луи. – Сказать, что это было для Джона полнейшей неожиданностью, – значит, ничего не сказать. После первого удивления он почувствовал, как губы сами собой растягиваются в широкой улыбке.

– Так что ты там хотел спросить? – скосил глаз Луи.

– А я забыл... – прозвучал сверху растерянный ответ.

– Хех, – усмехнулся конь и слегка тряхнул гривой. – Сегодня будем отрабатывать с тобой одну штуку. Ты ведь отныне в курсе, что я не человек в лошадином обличии, но – конь. И сейчас ты будешь учиться говорить со мной на языке, понятном каждой мало-мальски ходящей под седлом лошади. Также смоделируем несколько примеров моего непослушания – как будто я немой, поскольку ты обязательно должен уметь управляться прежде всего с обычными скакунами. Но сперва давай разогреемся.

– Луи, перед тем, как начнем... Хочешь морковку? – И Джон, наклонившись, протянул коню угощение.

– Гм, – с удовольствием захрустел жеребец, приняв лакомство, – подкупить хочешь?

– Нет, что ты, – засмеялся ученик, – просто пытаюсь быть вежливым... На вашем языке.

– Что ж, начало весьма неплохое, – заметил конь и поднялся в легкую рысь.

Когда прошли пару кругов, Луи кто-то окликнул, и он, перейдя на шаг, повернул голову. В стороне стоял еще один его знакомый – светло-серый³⁰ американский рысак³¹ Себастьян, пару лет назад состоявший на военной службе, а по выходе на гражданку поступивший работать сюда сторожем. На нем была легкая сетчатая попона³² с форменной нашивкой «security» по бокам.

– Эй, лейтенант, давненько не виделись! – поприветствовал его Луи Бенедикт.

– Да вас, салаг, из конюшни не дожدهшься, – встряхнул бе-

³⁰ Светло-серая – белая масть взрослой лошади. Серой ее называют потому, что в молодости такая лошадь имеет серый окрас, часто в яблоках, но с возрастом светлеет.

³¹ Рысак – лошадь, при выведении которой делается упор на способность резво и устойчиво рысать. Рысаки испытываются в бегах на ипподроме. Существует несколько пород рысаков: орловская, американская, их гибрид русская и французская.

³² Попона – защищающее тело лошади покрывало, застегивающееся на животе. Попоны бывают летними и зимними, оберегающими соответственно от насекомых или от холода.

лоснежной гривой бывший вояка. – Все катаешь своих криворуких?

– Ну, криворукие, предположим, не все, – заступился за Джон Луи, после чего шепнул ученику: – Я побеседую пару минут, ты не против?

– Луи, да что ты спрашиваешь...

– Считай это тоже вежливостью – на твоём языке, – весело подмигнул конь и подошел к лениво положившему голову на заборчик Себастьяну.

– Ну как там Питер, жокей³³ его не звонил? Взяли они тот кубок, не знаешь?.. – Пока кони болтали о своем, Джон сидел, расслабившись, и глядел то на безоблачное небо, то на товарища своего инструктора, то скользил взором по дальним конюшням. Он отнюдь не собирался подслушивать чужой разговор, даже лошадиный, но иногда против воли замечал, что речь зашла о нем.

Беседа продлилась недолго. После Себастьян пошел куда-то по своим делам, а Луи и Джон возобновили занятие.

– Себастьян, – поделился конь, – один из тех, кто всерьез считает наше умение говорить настоящим даром небес, своего рода компенсацией за вечную роль жертвы в природе. Ты мог заметить по некоторым его выражениям, что он несколько свысока относится не только к немым, но даже к людям – к большинству из них. Мы немного говорили о тебе. Я сказал ему, что ты славный человек, но он мне, разумеется, не

³³ Жокей – профессиональный всадник, участвующий в спортивных скачках.

поверил – может, ты слышал его скептический смешок. Он считает, что когда-нибудь, в отдаленном будущем, наступят времена так называемой «иппократии»³⁴ – новой эпохи, когда разумные кони, достаточно увеличившись в численности, станут постепенно смещать «изжившую себя» цивилизацию людей, чтобы самим встать у руля власти над планетой. – Джон молчал, но если бы Луи мог его как следует видеть, то заметил бы его округлившиеся глаза... – Не то, чтобы он являлся ярким сторонником таких идей, но ему кажется, что века спустя развитие событий в подобном ключе будет неизбежно. Он мой друг и отличный жеребец, честный и отважный офицер. Но некоторые его понятия кажутся мне слегка... Не знаю, жеребьячьими, что ли. Порой он чересчур наивен. Даже если вдруг и попробуют начать какую заварушку – что очень навряд ли, подавляющее большинство говорящих коней за взбеленившимися бунтарями просто не пойдет – и все по той же самой причине, по какой я с таким рвением ищу себе идеального всадника. Не в нашей природе устраивать мировые революции, нам этого не надо... Но вернемся к делу! – Луи отогнал хвостом приставшую муху. – Вот мы с тобой отшагали, и дальше нам нужно рысить...

Последние его рассуждения про миролюбивый характер лошадиного племени несколько успокоили расшалившееся воображение Джона, уже в красках представившего себе по-

³⁴ «Иппократия» – от греч. «ἵππος» – лошадь и «κράτος» – власть: дословно – власть лошадей.

всеместное «восстание коней» и последующий драматический закат истории человечества... А строгий командный тон инструктора и вовсе вернул его из мира жутковатых фантазий на грешную землю, быстро заставив вспомнить о своем горячем желании научиться грамотно ездить, став прекрасным партнером своему говорящему коню, а если вдруг повезет – то и выступить на городских соревнованиях через месяц. Все это мигом всплыло в голове Джона и вышло на первый план, оставив весь «конный апокалипсис» где-то далеко позади...

– ...И дальше нам надо рысить, – продолжил урок Луи, даже не подозревая о творившемся в душе ученика. – И ты, как обычно, начинаешь меня высылать. Ты уже давно знаешь, как это делать, и выполняешь привычные действия, ожидая от меня привычного же послушания. Но что, если... – Он выдержал интригующую паузу. – Что, если я вдруг решу не подчиняться? Что ты тогда будешь делать, м?

– Э-э... Попытаюсь с вами договориться, – подумав, растерянно выдал Джон. Проклятые картинки устроенного лошадами-революционерами «судного дня» вновь начали возникать в мозгу. Нужно же было именно сегодня повстречать этого Себастьяна, овса ему полную кормушку!.. – Спрошу, почему вы... Ой, то есть, ты, прости...

– Все это очень хорошо, – ответил Луи как можно миролюбивей, чтобы взволнованный невесть чем ученик успокоился. – Но это сработает лишь при условии, что я разу-

мен. Однако предположим, я нем. Абсолютно нем и туп, могу только орать и жевать сено. И вот я встал – подумал, насколько хватило моего скудного животного ума, что на сегодня довольно с меня рыси, да и вообще работы, и что сверху на мне расселся кто-то явно лишний... Твои действия?

– Э-э...

– Правильно, высылать. Повторить свою команду четче и настойчивей. В особо тяжелых случаях воспользоваться хлыстом...

– Но я не хочу вас бить, – изумленно возразил Джон.

– Гы-гы, верно, – кивнул со смешком конь, – я тебя сам жестко ссажу, если появится хоть намек на мысль об этом. Хлыст, Джон, – это не орудие наказания, но указка! – Назидательно сказал он. – В случае неповиновения им ударяется не по шее или крупу коня, а по собственному сапогу или крылу седла. Получается резкий звонкий щелчок, который несколько пугает нас и приводит в чувство. Попробуй. А вообще, хлыст используется, чтобы при выполнении элементов высшей школы верховой езды удобно было показывать коню, какую ногу поднять или куда и как двигаться.

Урок получился немного тяжеловатым, но насыщенным и плодотворным. Джон хорошо отточил навык грамотной подачи команды. Если он высылал недостаточно ясно или забывал про ноги или корпус, Луи незамедлительно «включал дурака» и, презабавно развесив уши, с наивным удивлением в голосе отвечал: «Я не понимаю!»

– Рысь, говорю, – по привычке обращался к нему словами Джон.

– А это как? – Тут Луи чувствовал почти одновременное воздействие шенкеля, таза и немного подобранного повода и, радостно воскликнув: «А-а, во-она че!», принимался послушно рысить.

Пару раз Луи пытался «бунтовать». Встав на шаг или рыси как вкопанный, он ждал, что же будет предприниматься наверху. На недоуменное: «Луи?..» он максимально подуралки изображал ржание немого, чем вызывал дикий хохот заразительный у Джона, начинал смеяться уже сам, и все «моделирование ситуации непослушания» срывалось.

Надурачившись вволю, конь велел сделать финальный галоп, вышагивать и закругляться.

В деннике, с наслаждением почесавшись вспотевшим боком о кормушку, Луи окликнул уносящего седло Джона:

– Я насчет соревнований. Скажу честно: ты не готов. Остался месяц, а мы еще даже к прыжкам не приступали. И дело тут не в тебе, просто у нас действительно изначально было слишком мало времени. Настоятельно рекомендую тебе не принимать в них участия в этом году – только опозоришься. Лучше продолжим заниматься, пока не достигнем нормального уровня, тогда и о выступлении можно будет поговорить. Что скажешь?

Джон на несколько секунд задумался. И потом неожиданно спокойно ответил:

– Хорошо, я согласен. Я и сам не желаю подставлять нас обоих. Наверное, стоит смотреть на вещи реально. К тому же я теперь не совсем уверен, хочу ли в действительности выступать. Я на этих занятиях уже получил гораздо больше, чем мог бы представить себе в самых смелых мечтах. Так что давай просто заниматься, а там – будь что будет. – И после ответного молчаливого кивка коня Джон пошел вешать седло.

Уже в раздевалке к нему подошел Филипп, случайно слышавший их разговор, и, тронув за плечо, сказал:

– Не печалься, парень, что до «Осеннего Турнира» пока не дорос. Поверь мне: гораздо важней то, что Луи Бенедикт вообще тебя заметил и стал считать своим учеником. Этот конь воспитал плеяду чемпионов, и из тебя он со временем сделает по-настоящему сильного всадника – при твоём, конечно, желании и усердии.

– Спасибо, – с улыбкой поблагодарил Джон и хотел уже идти, но Фил придержал его за руку:

– Между нами, девочками: ты только не говори, что слышал от меня, но как-то вечером Луи сказал мне: «Фил, из этого недотёпы могло бы что-нибудь выйти». Это дорогого стоит, парень! Я б на твоём месте как следует вложил в занятия. Только молчи, тс-с-с! – приложил бригадир палец к губам. – Он ужасно не любит, когда я болтаю.

– Спасибо вам, мистер Филипп, – тихо произнес обрадованный Джон. – Я надеюсь, вы оба во мне не ошиблись.

– Этот конь очень редко ошибается в людях, – покачал головой бригадир, – он видит нас лучше, чем мы себя сами! У него огромный опыт, потому-то я и уверен в его полной правоте. Ты бы прислушался ко мне, парень: не бросай это дело, и тогда в будущем станешь выступать, как самая настоящая звезда!

– Хорошо, мистер Филипп, благодарю за совет, я постараюсь ему последовать. До свидания, еще раз спасибо! – И окрыленный Джон, крепко пожав Филу руку, вышел из раздевалки.

Остановившись в нескольких шагах от порога конюшни, Джон вдруг кое-что вспомнил и глянул в коридор – туда, где за одной из решетчатых дверей денников отдыхал его мудрый инструктор...

Было совестно тревожить заслужившего тишину и спокойствие Луи, но Джон не смог ничего с собой поделать. Хоть он и оказался секунду назад ошарашен великолепнейшей новостью, но одна вещь все еще смутно тревожила его, и он должен был с ней разобраться! Подойдя к деннику, он осторожно позвал коня...

Тишина.

– Луи? – Присмотревшись, Джон с удивлением увидел, что коня в деннике нет.

«Наверное, в леваду пошел гулять», – догадался он и направился на улицу. Там, завернув за угол конюшни и достигнув левады, он действительно обнаружил Луи неспешно про-

хаживающимися вдоль ограды. Вся спина, бока и грива коня были в песке: видимо, он только что от души вывалялся, устроив себе после работы приятную гигиеническую процедуру.

– Джон? – удивленно раздул он ноздри, заметив ученика. – Ты чего здесь делаешь? Забыл что-то? Гляди, на автобус опоздаешь.

– Не страшно, там еще следующий в расписании есть, я просто кое-что спросить хочу.

– Валяй. – Луи слегка отряхнулся и хлестнул себя хвостом.

– Луи, гхм, а как ты думаешь... – Джон в смущении почесал макушку, не зная, с чего начать. – Как ты думаешь, может ли в реальности случиться такое, что... Ну, что вы...

– Джонни, смелее, тебя за спрос никто не укусит. – Заметив боковым зрением веточку небольшого кустика, которой не повезло слишком близко наклониться к ограде, Луи крепко зацепил ее зубами и, оторвав, принялся неторопливо жевать.

– В общем... – Джон вздохнул и решил говорить без обиняков: – Какова вероятность того, что вы в будущем и правда решите... Гхм, взбунтоваться? Ну, поднять восстание против людей?..

Услышав вопрос, Луи громко кашлянул; пожеванная веточка выпала у него изо рта. Конь на несколько секунд молча уставился на ученика. Тот – на него... Наконец ошарашен-

ный Луи проговорил:

– Скажи, что ты это не всерьез!..

– Не всерьез, конечно, но... – Джону стало ужасно стыдно за этот нелепый разговор. Мучений добавляла интонация Луи, рекомендовавшая ему как минимум посетить психиатра, а лучше встать на учет... И по такой чепухе он отрывает коня от законного отдыха!

– Но если не спрошу, все равно буду потом всю неделю по ночам тревожиться, я себя знаю, – закончил он, густо краснея.

– Мать-природа, Джон! Тебе заняться, что ли, больше нечем?! – Луи громко фыркнул. – Невероятно! То есть, других проблем, о которых стоит волноваться, у тебя нет?! Счастливо живешь!

Но, поскольку бедняга, хоть и сгорал от стыда и смущения, все же молча дожидался ответа, Луи вздохнул и ответил:

– Ладно, если так желаешь. Скажу честно: я не знаю. Никто не знает, и это, по-моему, нормально: не знать, что будет через столетие, два, три... А вдруг там солнце погаснет или луна на нас свалится, а, Джон? Что ты – теперь и из-за этого беспокоиться начнешь? Ты знать не знаешь, что случится даже через неделю, и сегодняшние лишние переживания на завтрашнюю жизнь никак не повлияют, так что не занимайся бесполезной ерундой и не порть себе нервы попусту!

«М-да, Луи, умеешь ты утешить», – подумал жеребец,

глядя на расстроенного ученика. Кто ж знал, что он такой впечатлительный?! «Ох уж эта ваша «иппократия», дались вам человеческие забавы...» После короткого молчания Луи, видя, что дело совсем бедовое, сжалился над мнительным бедолагой и сказал на сей раз помягче:

– Раз уж ты так боишься нашего восстания, то все, что ты можешь сделать здесь и сейчас, чтобы быть спокойным, – это приложить максимум усилий к тому, чтобы самому не обижать нас: грамотно ездить, уважать нашу природу, быть с нами ласковым... Тогда, по крайней мере, твоя совесть будет чиста. А остальное – вне твоего контроля, в том числе, воплощение различных негативных сценариев далекого будущего, и тебе придется это принять, хочешь ты того, или... Или можно дальше психовать всю оставшуюся жизнь – закрыться в бункере и ждать конца света. Выбирай.

Теперь слова его возымели совсем иное действие: Джон заметно расслабился.

– О-ох, спасибо, Луи, – облегченно выдохнул он с улыбкой почесал затылок. – Ты мне мозги на место вправил! Действительно, чего я: важно ведь самому здесь и сейчас поддерживать с вами хорошие отношения. А «Че Гевары» от лошадиного племени появятся еще не скоро, на мой век хватит спокойно пожить... Спасибо огромное, Луи, теперь я буду спать спокойно!

– Иди уже на автобус, паникер двуногий, – усмехнулся конь. – Поверить не могу, что я на самом деле с тобой это

обсуждал. Бред какой-то...

– Доброго вечера, Луи! Спасибо еще раз за все! – крикнул уже издалека Джон, радостно махая рукой.

– Всего хорошего, дружище, – пробормотал ему вслед Луи. Опустив голову и найдя выроненную веточку, он подобрал ее и стал задумчиво дожевывать. Клонившееся к закату солнце посылало прощальные лучи на конную базу, окрашивая крыши конюшен и левяды в огненно-рыжий цвет...

Прошел год, в течение которого Джон неотступно занимался. За это время они с Луи очень сблизились. Конь множество раз ронял его, а также с учебно-профилактической целью неоднократно уносил³⁵ при занятиях в поле. Заканчивалось все, впрочем, мирно и безопасно: ученик лишь отделялся легким испугом. Подбадривая его, Луи по дороге обратно на конюшню обыкновенно шутил: «Внимание, в процессе разноса ни одного Джона не пострадало!»

Так или иначе, по истечении года старательного обучения Джон все-таки подал заявку на участие в первых в своей жизни конных соревнованиях. Вопреки пессимистичным ожиданиям Луи, организаторы «Осеннего Турнира» одобрили его кандидатуру, чему сам Джон был до безумия рад.

Они оба должны были выступать в категории любителей

³⁵ Лошадь уносит (разносит) – срывается в неконтролируемый галоп, не слушаясь всадника.

среди пар с одаренными разумом лошадьми. Тот день навсегда запомнился Джону. Луи под ним был при полном параде: лоснящаяся на солнце начищенная шерсть, белоснежный вальтрап под новым скрипящим седлом, удобный кожаный недоуздок, мягкие бинты на ногах. Сам он, тоже наряженный с иголки – в ярко-красный редингот³⁶, кипенно-белые бриджи и черную каску, восторженно глядел на суету вокруг. Ноги в длинных блестящих сапогах опирались на короткие стремяна, руки в перчатках сжимали поводья... Ему все никак не верилось, что это взаправду происходит здесь и сейчас с ним: давняя его задумка, наконец-то, становится явью!.. Одновременно с этим он чувствовал дикое волнение. Рядом под такими же, как и он, начинающими всадниками храпели и копали в нетерпении землю грациозные немые кони, чьи бока и шеи красиво отливали атласом. Несколько в стороне их говорящие собратья деловито общались с маститыми двуногими мастерами, которые приехали сюда не сами выступать, а посмотреть на новое поколение будущих чемпионов.

По правилам соревнований в состав жюри входило четыре человека и два говорящих коня. Среди двуногих судей оказался один из бывших воспитанников Луи Бенедикта. Жеребец никак не ожидал встретить его здесь и был по-настоящему рад.

– Это Майк Смит, – сообщил Луи Джону, – неоднократно

³⁶ Редингот – верхняя одежда для верховой езды, приталенный пиджак из плотной ткани с разрезом сзади.

ный чемпион международного класса по конкуру, тот самый, про которого тогда передачу на центральном канале снимали, помнишь? Моя гордость! – И они вдвоем подошли к судейской трибуне.

– Майки, – громко позвал конь, – сколько лет, сколько зим!

– Старина Луи, вот так сюрприз! – Некрупный загорелый человек в бейсболке и ярко-красном поло, дотянувшись через стол, обнял его за шею. – Что, возвращаешь новое поколение? – весело подмигнул он жеребцу, глянув на Джона.

– Да, свежая молодая кровь, – хмыкнул Луи, с удовольствием покосившись на ученика. – Кстати, весьма перспективный!

– Ну, ты за других не берешься, – заметил чемпион. – Что ж, удачи, молодой человек! Она вас посетит, не сомневаюсь, – доброжелательно улыбнулся он и подал дебютанту руку.

– С-спасибо вам, – растерянно пробормотал Джон, пожимая сильную жилистую ладонь знаменитости...

– Только не говори мне, что больше никогда не притронешься этой рукой к мылу, – махнув хвостом, пошутил Луи, и все трое засмеялись.

Проезжая на Луи мимо трибун на разминку, Джон искал глазами всех тех, кого пригласил. И нашел: вон чуть справа в третьем ряду сидит любимая женушка Надин с дочуркой Салли, которые, заметив его взгляд, счастливые, что-то про-

кричали – среди общего шума он слов не разобрал, но, наверное, они хотели сказать, как гордятся и восхищаются им. В ответ он радостно помахал семье рукой. Рядом ниже разместились Фил, Джордж и Сэм, что-то негромко обсуждающие между собой, а левее – несколько его коллег по работе. Последние с большим интересом наблюдали за всем происходящим. Как-то так вышло, что до недавнего времени они и не подозревали наличие у Джона такого интересного хобби!

Аккуратно подстриженная черная грива Луи между его рук слегка потряхивалась в такт шагам коня. Джон еще раз обвел вокруг взглядом. Полные зрителей трибуны, разминающиеся всадники на лошадях, всеобщее праздничное возбуждение – так он себе всегда и представлял картину конных соревнований, устроенных под открытым небом в замечательный солнечный день! А в ее окончательное дополнение он сам – тоже в седле, под ним неспешно ступает говорящий конь, с которым они – одна команда, которая сейчас будет выступать. Это ли не счастье?!

– Знаешь, Джон, – сказал Луи, почувствовав его мысли, – почему ты здесь? Ты ведь не считаешь себя таким уж великим талантом?

– Нет, – честно отозвался Джон, – не считаю.

– И верно. Твое нынешнее участие на «Осеннем Турнире» – результат не исключительных дарований, но твоего упорства. Это награда за вложенный труд, запомни. Усилия – вот что ценно в этой жизни. Разумные и регулярные.

– Да. – Выйдя на разминочное поле, они начали шагать. – Но меня бы здесь не было без тебя. Все благодаря тебе...

– Я – лишь инструмент, – скромно ответил Луи, – все благодаря твоему желанию.

– Держи сахарок, инструмент, – наклонился к нему Джон перед тем, как выслатить усмехнувшегося коня в рысь. Луи был прав: лично его заслуга состояла в том, как долго и кропотливо он готовился к сегодняшнему дню, учась управлять и одновременно доверять коню, при этом день за днем завоевывая его доверие; что, несмотря на все трудности, не отступил – даже тогда, когда почти год назад перевернулись его представления о месте в этой жизни говорящих животных и человека... Короткое фырканье Луи отвлекло его от раздумий, и он пустил коня в легкий галоп, направив к разминочному препятствию. Вот она – воплотившаяся мечта, подумал он, перепрыгивая на Луи барьер. Можно было бы подумать, что она сбывается сейчас, прямо на глазах. Так и было бы, если б она состояла именно в соревнованиях. Но на самом деле мечтой всегда был весь этот сложный и захватывающий процесс, начавшийся тогда, когда он впервые вслед за Филом переступил порог конюшни!

Но пора сосредоточиться: в самый важный и ответственный момент хорошо бы не поддаваться волнению и выполнить все грамотно, четко и технично. А там, глядишь, и строгий Луи вдруг тоже скажет кому-нибудь про него: «Моя гордость». Было бы совсем идеально!..

...В первом гите³⁷ они выступили средне, на пару секунд не уложившись во времени, но все же в итоге пройдя отбор во второй. Из десяти имевшихся на поле барьеров тяжелее всего дался пятый – оксер³⁸: Джон слишком рано дал импульс, однако Луи, благодаря многолетнему опыту верно рассчитав момент и силу прыжка, лишь слегка задел краем копыта одну из ярко разукрашенных жердей препятствия. Хоть и обошлось без повала³⁹, но «отставшего» Джона при приземлении едва не выбило из седла, так что жеребец, несколько сбавив темп, даже настороженно прохрапел: «Джонни, держись!» Мгновение спустя ощутив на спине вес вернувшегося всадника, он вновь нарастил скорость. К счастью, подобных опасных моментов в этом гите больше не было, и весь оставшийся маршрут они прошли сравнительно спокойно.

Другие участники выступали по-разному, кто-то с большим успехом, кто-то – с меньшим. В целом, Луи с Джоном смотрелись на общем фоне довольно неплохо.

Начался второй гит, и постепенно подошла их очередь. Зазвучал колокол, приглашая финалистов на исходную позицию...

³⁷ Гит – заезд.

³⁸ Оксер – широтное препятствие, состоящих из двух параллельно стоящих барьеров.

³⁹ Повал – падение жерди препятствия во время прыжка, наказывающееся штрафными очками.

Препятствия оставались те же, менялся только порядок их прохождения. Еще этим утром, во время получасового пешего обхода изучая конкурное поле, парочка старалась как следует заучить оба маршрута, прикидывая, как лучше всего их преодолеть.

Итак, они стартовали. Джон сильно беспокоился о том, как не напутать с очередностью барьеров, и потому немалую надежду возлагал на Луи. Первое время все вроде бы шло гладко. Вертикаль⁴⁰... Вертикаль... Тот злополучный оксер... Стенка⁴¹...

После седьмой по счету сухой канавы⁴² должен был идти шлагбаум⁴³ с заходом на тройник⁴⁴ и финальную вертикаль. Это Джон точно помнил... Но Луи вопреки его ожиданиям вдруг зачем-то свернул сразу к тройнику. Очевидно, конь просто сбился... Отклонение от маршрута является серьезной ошибкой в конкуре, и Джон, ужаснувшись, с силой потянул правый повод на себя, уводя Луи с ошибочного пути.

– Ты что творишь?! – с храпом раздалось снизу.

– Нам к шлагбауму надо!..

⁴⁰ Вертикаль (чухонец) – высотное препятствие, жерди на двух стойках.

⁴¹ Стенка – высотное препятствие в виде глухой стены из деревянных блоков.

⁴² Канавы – широтное препятствие в виде сухой или сырой (наполненной водой) канавы.

⁴³ Шлагбаум – высотное препятствие, удлиненный треугольник на двух стойках, напоминающий железнодорожный шлагбаум.

⁴⁴ Тройник – широтное препятствие, три параллельно стоящих барьера.

– С ума спятил?! Там тройник следующий!..

Судьи и зрители с изумлением наблюдали, как темно-гнедой говорящий тракененский жеребец раз за разом пытается зайти на тройник, раздраженно препираясь с мешающим ему молодым всадником...

– Если ты сейчас же не прекратишь, нас дисквалифицируют за неповиновение! – натужно пропыхтел Джон.

– А если ты не прекратишь, то – за уход от маршрута! – отвечал ему в тон взмыленный Луи.

– Значит, я как человек всю ответственность беру на себя!! – Сказав это, Джон круто развернул Луи и, вдарив шенкелем, жестко выслал вперед.

– Ну, как знаешь!.. – помотав головой, фыркнул жеребец и, разогнавшись, в длинный мощный прыжок через шлагбаум вложил всю накопившуюся досаду...

Каково же было смущение жеребца, когда по завершении он осознал свою ошибку, едва не стоившую им обоим позорного вылета! И какова была гордость за ученика, прекрасно освоившего то главное, что он так старался донести!..

– Предпоследнее место. Ну, хорошо хоть вообще с дистанции не сняли... – проворчал Луи после того, как озвучили результаты. Затем он примирительно уткнулся мордой в плечо Джону: – Гм, признаю, старина, это мой косяк. Ты держался молодцом. Прости мне мою рассеянность...

– О чем ты, все в порядке, не переживай! – Джон ласково почесал его по широкому лбу. – Благодаря тебе мы вышли

во второй гит, на что я, признаться, вообще не надеялся. И потом, ты сегодня невольно дал мне проявить себя! Недаром же говорят, что ни происходит – к лучшему, – засмеялся он и попросил: – Пожалуйста, можешь мне устроить детальный разбор: много ли я портачил?

Счастливый Луи почти что не бранил своего ученика – ну, разве что пару раз назвал балбесом, для остротки.

– А в целом – умничка, для первого в жизни выступления весьма недурно, – сказал конь после того, как перечислил все его промахи. – Поздравляю с дебютом, старина Джонни! Иди обними семью, они так болели за тебя. Потом приходи еще обсудить, мы тут с ребятами будем.

– Ну, как тебе роль великого всадника? – спросила Надин, крепко обнимая и целуя Джона. – Мы очень рады за тебя, милый! Ты молодец, ты сделал это!

– Все благодаря тебе, Надин, – ответил счастливый муж. – Ведь это ты вытолкала меня тогда, заставив наплевать на сомнения, помнишь?

– Папа, – спросила маленькая Салли, – а ты научишь меня на лошадках кататься?

– Непременно, милая, но только когда подрастешь – если, конечно, мама будет не против. – Джон подмигнул жене, и, увидев мамину улыбку, Салли радостно захлопала в ладошки: – Ур-ра!!!

...Наконец, семья была отпущена домой, а Джон, как и обещал, присоединился к мужской компании. Кроме Луи в

ней состояли Фил и Майк.

– У меня еще есть свободный часик перед дорогой, – сказал Майк, приехавший сюда из другого города. – Угощайся, Джон!

Филипп придвинул ему большую кружку восхитительно-светлого пива с густой пеной и поднял свою: – За Джона, друзья!

– За дебют! – кивнул Луи. Он коснулся носом всех трех кружек, затем, опустив голову, сделал пару крупных глотков воды из стоявшего сбоку ведра и закусил овсом, насыпанным для него в глубокую миску.

– Представьте себе, – усмехнулся конь, – наш Джонни – настоящий мечтатель! Он с самого начала возомнил себя одним из той полицейской парочки из сериала двадцатилетней давности – «Стив и Уолт», помните?

– Про человека и говорящего коня? Да-да, было что-то такое на заре моей молодости, – почесал бороду Фил.

– Ну и как, по твоему мнению, – есть сходство? – поинтересовался у жеребца Майк.

– Гхм, как бы тебе сказать... – Луи задумчиво посмотрел на ученика. – Откровенно говоря, дружище, на Стива ты не слишком-то тянешь.

– Да и ты на Уолта не особенно похож, – засмеялся Джон, вспоминая самое свое первое впечатление, когда увидел широкий коричневый зад Луи в деннике. – Но, думаю, это уже совсем не важно, а важно то, что мы с тобой все-таки добра-

лись сюда и выступили, вышли по-настоящему перед трибунами. А ради сходства со Стивом я вполне могу прикупить в сувенирной лавке полицейский жетончик.

– Рад, что ты это понял, – одобрил конь под общий смех. – Но ты ведь уже добился своего. Будешь дальше заниматься?

– А как же, – последовал незамедлительный ответ. – Для совершенства нет предела! К тому же, мне, похоже, через пару лет придется обучать Салли, так что лучше самому уметь побольше. Я, кстати, приведу ее к тебе, ты ведь не возражаешь?

– Приводи, конечно, буду рад знакомству.

– Господа, улыбочку! – раздался вдруг чей-то голос, и все одновременно повернули головы туда, откуда обратился к ним молоденький фотограф, делавший снимки для местной газеты. В удачном кадре, который он только что запечатлел, четче всех вышли стоявшие на переднем плане Джон и Луи. В вышедшем через пару дней номере, в статье под заголовком «И снова – «Осенний Турнир!» гордо красовалось сделанное им фото с подписью «Партнеры».

30 марта 2020г.

В оформлении обложки было использовано бесплатное векторное изображение «equestrian sports silhouettes», взятое с сайта <http://www.vectorfantasy.com>, а также рисунки автора.